

Сергей Раткевич

ВТОРАЯ
КАЯТВА

Сергей Раткевич
Вторая клятва
Серия «Время золота,
время серебра», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39503247
ISBN 978-5-699-3045-3

Аннотация

Если кто не помнит, так после той самой истории с книгой о фаласских ядах Эрика, ледгундского лазутчика, забрал себе в ученики Хьюго Одделл, гном-лекарь и по совместительству петрийский предатель, рыцарь и шут герцога Олдвика, лучший разведчик Олбарии и прочее и прочее. И не для того, чтобы продолжить обучение мальчишки на ниве тайной службы, а разглядев в нем невероятный талант сказителя и художника. Однако первое, что сделал «благодарный ученик», так это попытался прирезать своего наставника и сбежать. За что он и был награжден признательностью и новой жизнью. В которой отныне нашлось место не только слепому повиновению, крови и жестокости, но любви, радости и пониманию. Но если бы все на том и успокоилось, не было бы этой книги.

Содержание

Вторая клятва	4
Пролог	4
Убить учителя	27
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Сергей Раткевич

Вторая клятва

Сборник

Вторая клятва

Пролог

– За Святую Деву и попутный ветер!

– За удачу!

Огромные пивные кружки с треском столкнулись, и выплеснувшееся через край пиво полилось по столешнице, словно набегающая на берег волна.

– Приятель, бросай якорь за нашим столиком!

– Эй, пива сюда!

В портовом кабаке «Старый причал» гуляли вернувшиеся из плавания моряки.

– Если я расскажу, куда мы ходили... – тихо говорил один из них присевшим за его столик приятелям с других кораблей.

– Да куда вы с вашим купчишкой могли ходить? – громко и насмешливо откликнулся второй.

– Перестань! Дэвид Мэлчетт – настоящий капитан, не то что некоторые! – вмешался третий.

– Знаем мы этих настоящих... хороши до первого шторма... – пробурчал второй.

– Это ты про своего капитана? – нахмурился первый. – Потому что если про нашего, ты не прав настолько, что придется тебя ударить. А мне хотелось бы еще посидеть, выпить, поболтать малость, а не объясняться с местными стражами, за что это я тебя избил.

– И ты подымешь руку на своего товарища-моряка?! – изумился второй.

– Если он оскорбляет другого моего товарища-моряка? Конечно, подыму, – медленно ответил первый. – Можешь не сомневаться.

– Да ладно тебе, Сэм, – проговорил третий. – Ты что, Джокка не знаешь? Кто не ходит вместе с ним на их дырявой посудине, тот уже не совсем моряк. Ну а единственный капитан, разумеется, его обожаемый старина Хэнк. Да разве бывают на белом свете другие капитаны? Ты лучше расскажи, что собирался.

Джок что-то обиженно пробурчал, полюбовался на могучую мускулатуру Сэма и запил свое огорчение пивом. Лезть в драку ему не хотелось.

Уже хотя бы потому, что этот бугай Сэм кого угодно отлупит. Даром что грамотный. Видали мы таких грамотных! Папаша-священник небось до сих пор с облегчением взды-

хает, что сынок из дому сбежал. Потому как господь сыночка наделил такими кулаками, что, если они с папенькой разойдутся в толковании какого-либо места из Блаженного Августина или еще там чего, папе лучше сразу соглашаться или уж заказывать себе заупокойную. Потому что понадобится.

Правда, нужно отдать Сэму должное, он всегда предупреждает. Ну а коли кто не внял предупреждению, да еще в таком важном вопросе... Нет, в самый раз такому, как он, в морях ходить. Или уж в стражниках там, а то и в рыцарях. Потому как священник из него...

Джок посопел еще немного для солидности, чтоб никто не подумал, будто он, как флюгер какой, свое мнение по пять раз на дню меняет, а потом признал, что был не прав.

– Погорячился, – честно сказал он Сэму. – Прости, брат. Ты давай, рассказывай.

– Придвиньтесь поближе, – скомандовал Сэм, – потому как капитан запретил об этом болтать, и, видит бог, даже я понимаю, что он прав.

Заинтригованные собеседники придвинулись.

– Значит, смотрите сюда, ребята. – Здоровенный палец Сэма уперся в пивную лужу на столе. – Допустим, что вот эта линия – наш берег... – Палец прочертил в пиве замысловатую кривую. – Тогда здесь Ледгунд... здесь, получается, Соана, дальше Арсалия... а вот тут, с этой стороны, уже Фаласса. А теперь смотрите, куда мы плыли... и смотрите молча, потому что секрет. Вот сюда куда-то. Да, точно. Вот до этого

места мы и доплыли. – Палец ткнул в солонку. Сэм подумал и чуть отодвинул ее. – Нет. Ошибся. Не дотуда, а вот досюда.

– Но там же ничего нет, – удивленно откликнулся Джок. – Что вы там искали?

– Ага! – хитро ухмыльнулся Сэм. – Мы тоже так думали, что нет. Наш капитан первый догадался!

– Что же там может быть? – недоверчиво спросил Джок. – Туда никто никогда не ходил.

– Мы ходили, – гордо поведал Сэм. Потом наклонился над столешницей, приблизив лицо к приятелям, и тихо прошептал: – Новая земля... другая...

Он быстро оглянулся, но сидевший за соседним столиком человек сделал вид, что ничего не слышал и вообще увлечен поглощением содержимого своей тарелки.

Как все-таки удачно, что он решил пообедать именно здесь!

– Совсем чуть-чуть не добрались... самую малость... – негромко повествовал Сэм. – Но она там... точно там... все приметы сходятся... когда б чуть побольше было воды и провианта, точно бы доплыли... но капитан решил не рисковать людьми... а ты говоришь – «купчишка»! Всем бы такими купчишками быть!

– Да я что... я ничего... – бормотал Джок, сраженный потрясающим известием. Ему-то казалось, что все в этом мире ведомо, а оказывается, где-то там, за горизонтом... И ведь Сэм – это вам не трепло какое... Сэм врать не станет.

А Сэм продолжал шептать о приметах, явственных приметах земли. А еще о том, что он с собутыльниками сделает, если те проболтаются...

– Того, кто хоть рот откроет, я найду и ударю... два раза, – посулил Сэм. – А третий удар, сами понимаете, будет уже по крышке гроба.

– Да ладно тебе, Сэм, что ж мы, дети малые? – проговорил наконец Джок. – Ну хочешь, я попутным ветром поклянусь?

Сидевший за соседним столиком человек допил пиво, бросил на стол горсть монет и вышел. Хлопнувшая дверь на миг почему-то насторожила Сэма, и он напрягся, уставившись на нее, словно большой хищный зверь на мелькнувшего среди деревьев врага, но тут принесли еще пива, а потом на колени к моряку плюхнулась хорошенькая девица...

Глядя, как разочарованно вытянулось лицо Джока, и смекнув, что именно эту красотку тот присмотрел для себя, Сэм внутренне усмехнулся и покрепче прижал девицу к мощной груди. Капитан Дэвид Мэлчетт был отомщен!

* * *

Первым, кого Шарц встретил, войдя в ворота Олдвика, был сэр Руперт Эджертон, герцог Олдвик.

– Эрик, отведешь лошадей на конюшню, – сказал Шарц ученику. – Там такой здоровенный дядька, зовут Четыре Джона, его ни с кем не спутаешь, таких, как он, в природе

просто не бывает. Поможешь ему наших лошадей обустроить, скажешь, что ты мой ученик, и пусть он тебя до времени чем покормит, я приду позже.

– Да, наставник, – кивнул ученик.

Кому другому Шарц бы подробнее все объяснил, проводил, показал и прочее – но унижать коллегу, профессионала, водить его за ручку, как маленького?

Эрик ничем не напоминал бывшего ледгундского агента. Он и вообще не был похож на ледгундца. Больше всего он смахивал на фаласского храмового служителя. Впрочем, агент и не должен выглядеть как агент. Если только на него не зря потрачены деньги и время, он обязательно будет похож на то, на что требуется. В случае чего никто на него и не подумает. «Если тебе вдруг понадобится выследить такого же, как ты сам, лазутчика, – говаривал в свое время наставник самого Шарца, – в первую очередь обрати внимание на кого-то, кто ни в коем случае не может им быть».

Что ж, никто не скажет, что на Эрика зря потрачено время или деньги. Он в своем роде совершенство. Даже если не учитывать его уникальных способностей рисовать и сочинять сказки. А если учитывать...

Отпустив ученика, Шарц повернулся к герцогу.

– Тебя-то я и поджидаю, – сказал тот.

– Что-то произошло, Ваша Светлость? – Рука Шарца привычно легла на лекарскую сумку.

– Можно сказать и так. Видишь ли, твоя жена...

– С ней что-то случилось?! – весь напрягшись, звенящим голосом вымолвил Шарц.

– Да нет же! Все в порядке с твоим семейством. Не скидывайся так. – Герцог бросил на Шарца сочувственный взгляд.

Шарц расслабился.

«Нет, какой же все-таки герцог умница! „Все в порядке с твоим семейством“. Всего одна фраза, а волноваться ни за кого из своих уже не надо. А то есть же такие... „Да, с твоей женой все хорошо... да, и твой старший сын чувствует себя отлично... да, и средний вроде бы тоже, впрочем, я не приглядывался, он слишком быстро бегают... да, и с младшенькой все нормально, конечно, если я ее с кем другим не перепутал...“ И обмирай от ужаса после каждой паузы, жди беды от всех этих „вроде“ и „если“... хорошо все-таки иметь дело с воинами!»

– А... кому тогда требуется помощь?

Почтенный отец семейства в нем успокоился, но лекарь... лекарю было дело до всех. Он не делил мир на своих и чужих, только на живых и мертвых. На тех, кому еще можно – а значит, нужно! – помочь, и тех, помочь кому он опоздал либо не смог. Это была его граница, охранять которую он поставил себя сам.

Когда-то, в самом начале, ему казалось, что он отступает, бой за боем проигрывая смерти. Ведь, раньше или позже, люди и гномы все равно умирают, и каждая такая

смерть – это проигранный бой, навсегда отданная врагу земля... Немного позже – ему как раз довелось держать на руках сына милорда герцога – до него вдруг неожиданно дошло, что люди с гномами еще и рождаются, а значит, битва продолжается, нет ей конца, и его долг – стоять на этой переменчивой границе.

Сунув герцогу младенца, он тогда истерически расхохотался, пришлось даже сесть на пол, потому что ноги его не держали... Герцог и герцогиня смотрели на него встревоженными глазами. «Я понял, – всхлипывал он тогда, – я наконец-то понял, что люди с гномами не только умирают, но еще и рождаются, что они все-таки умеют это делать!» Объяснить герцогу с герцогиней, что же он имел в виду, оказалось не так уж сложно, гораздо трудней было объяснить это самому себе. Когда страшное чувство потери, краха, отступления и проигрыша вдруг сменяется острым, как внезапная весна, ощущением победы... Вот тогда только и остается признать, что марлецийский доктор медицины даже и не догадывался, что люди с гномами, оказывается, не только болеть и умирать, они еще и рождаться умеют. Всегда знал, но никогда не догадывался. Что ж, и так бывает. Лучше поздно, чем никогда, верно?

Шарц всегда помнил свой долг. Граница... незримая граница жизни и смерти... на ней никогда не бывает спокойно, и, как и любая другая граница, она не приемлет четко расписанного регламента... нет, ты, конечно, пиши... на то ты

и лекарь, чтоб бумагу марать, но... Спишь ты, обедаешь, играешь с детьми, ласкаешь любимую... в любой неурочный час граница может призвать тебя. И все. Хватаешь медицинскую сумку и бежишь. И нет тебе покоя, пока ты сам *по эту* сторону границы. Таков твой долг, лекарь.

– Так кому помощь требуется? – еще раз спросил Шарц. Глаза герцога вспыхнули ехидным весельем.

– Еще не знаю, – сказал сэр Руперт. – Но думаю, что потребуется тебе. Причем в самое ближайшее время.

– Да? – Шарц уже предчувствовал какой-то подвох. Что ж, Его Светлость в своем праве. От должности шута Шарца никто не освобождал.

– Так вот, о чем это я... вечно ты меня сбиваешь... – продолжил герцог. – Твоя, значит, Полли... приготовила тебе... хм... подарок. Да. Так и есть. Подарок, одним словом, по-другому и не скажешь.

Герцог покачал головой с таким видом, словно сам не мог поверить в свои слова.

– Так вот... я этот самый подарок хотел отобрать, пользуясь своим правом герцога отбирать все, что мне понравится, – сказал герцог и уставился на Шарца. Глаза его смеялись.

– Милорд, вы злой. Вы надо мной издеваетесь! – взвыл Шарц. – В жизни вы этим правом не пользовались! Это вообще дурной пережиток темного прошлого! Когда это вы чужие подарки отбирали?

– Так вот, – не обращая внимания на мольбы Шарца, про-

должал сэр Руперт. – Я, значит, хотел этот самый подарок отобрать, но – можешь себе представить! – Полли мне его не отдала. Ужасное неповиновение проявила. Вот.

– Так это вы жалуетесь, Ваша Светлость? – обрадовался Шарц.

– Жалуюсь? Несчастный! Я по-дружески предупреждаю о том, что тебя ждет! Имей в виду, твоя Полли объединилась с моей женой, и вдвоем они на меня так накинулись... пришлось с позором отступить! Я всего-то и сумел, что испросить позволения упаковать твой подарок понадежнее. Перевязать его, так сказать, более роскошной ленточкой. Пойдем, он тебя ждет.

– Кто ждет? – растерялся Шарц.

– Подарок, разумеется... – предвкушающе улыбнулся герцог.

– А... где сама Полли? – спросил Шарц.

– Обе грозные леди сейчас придут. Я за ними уже послал. Имей в виду, обе *очень* грозные. Я их боюсь. Так что на тебя вся надежда.

– Ваша Светлость, – сказал Шарц, проникновенно глядя герцогу в глаза, – сэр Руперт Эджертон, герцог Олдвик, господин мой... говорил ли вам кто-нибудь, что более дурацкого герцога свет не видывал?

– Вообще-то говорить мне такие вещи – твоя работа, – ухмыльнулся сэр Руперт. – Было бы бессовестно перекладывать ее на чужие плечи.

– Да-а... – понимающе протянул Шарц. – А меня так долго не было.

– Вот-вот, – скорбно кивнул Его Светлость.

– И никто... совсем никто... ничего *такого* не говорил и не делал... – трагически прошептал Шарц.

– Не делал.

– Как все запущено, – сокрушенно покачал головой Шарц.

– Запущено.

– Просто ужасно, – скорбно сказал Шарц.

– Еще ужаснее.

– Да как же вы еще на ногах-то стоите, Ваша Светлость?! – воскликнул Шарц.

– Не иначе, чудом Господним, – улыбнулся герцог. – Но нынче Господу недосуг, так что, повторяю, на тебя вся надежда.

С этими словами герцог вдруг нагнулся и, подхватив Шарца, сжал его в объятиях.

– Нам всем тебя не хватало, – сказал он.

Шарц почувствовал предательский комок в горле.

– А я... я еще и знал... *что* с тобой происходило, – добавил герцог. – Правда, не все. Лишь то, что сообщил мне лорд-канцлер. Остальное... само додумалось. Я боялся за тебя, дрянной коротышка. Как ты посмел так пугать своего герцога?

Шарц почувствовал, что сейчас заплачет. «Но ты же шут!»

– А... Полли знала? – несчастным голосом спросил он.

– Очень немногое. То, что ей сказал сэр Роберт.

«Остальное она сама додумала. Я сейчас точно разрешу».

Висеть в герцогских объятиях было страшно неудобно.

«А должно быть смешно. Шут, черт тебя побери, где ты?»

Шарц поболтал ногами, и с него мигом слетели сапоги.

– Ваша Светлость, когда будете ставить меня обратно, не промахнитесь мимо сапог, а то они с меня свалились, – невинно заметил Шарц.

– Вот еще! Когда это я промахивался? – ухмыльнулся герцог, аккуратно ставя Шарца рядом с его сапогами, прямо на снег.

И расхохотался.

Грозные леди появились неожиданно. Как и положено порядочным леди, прибыли они со свитой. Именно свита и добралась до Шарца первой.

Кэт, Роджер и Джон с визгом повисли на шее отца. Чуть погодя к детям присоединилась и Полли.

– Полли так за тебя переживала, – сказал герцог.

– Вот еще, – целуя мужа, возразила Полли. – Делать мне нечего было. Я знала, что все хорошо кончится. Если я за кого и переживала, так за этих дураков, что к моему мужу лезли, а то ведь у него рука тяжелая... Господи, как я боялась, – шепнула она мужу на ухо. – Чуть с ума не сошла.

Герцогиня подошла к супругу.

Обремененный в самом прямом смысле слова всем своим

семейством, Шарц все же как-то ухитрился поклониться Ее Светлости. Та с улыбкой кивнула в ответ.

– Я надеюсь, что мой муж должным образом встретил своего рыцаря, – сказала герцогиня.

– Э-э-э... да, – ответил Шарц, целуя по очереди всех своих домашних.

– И сделал то, что мне запрещает этикет, – добавила она.

– Э-э-э... да, – повторил Шарц. – Кэт, не вертись так, я тебя уроню.

– Что ж, тогда можно переходить к сюрпризам с подарками.

– Миледи, я сама, – отрываясь от мужа, сказала Полли.

– А то я не догадалась, – усмехнулась герцогиня. – Раз уж ты самому лорд-канцлеру *это* не отдала...

– Что?! – взвыл Шарц. – Ради Господа, скажите же наконец, *что* это такое? Чем это может быть, если его понадобилось *не отдавать* аж самому лорд-канцлеру?

– Да так, – ухмыльнулась Полли. – Один маленький подарок. Тебе. И почему я должна отдавать его сэру Роберту? Пусть сам себе такой ищет. У него возможностей больше. А мне в первый раз такой попался. Отдавать? Вот еще!

– Такой *что*? – несчастным голосом простонал Шарц.

– Все очень просто, папа, – сказал Роджер. – Это...

– Нет, я скажу! – тут же заспорил Джон. – Я старше!

– Папа-это-знаешь-что-такое... – перебивая их, зачестила Кэт.

– Дети, цыц! – строго прикрикнула Полли.

– Ну? Ты же лазутчик, милый, – коварно улыbnулась она. –

Неужто сам не догадаешься?

– Не догадаюсь, – вздохнул Шарц. – Лучший петрийский агент полностью посрамлен. Придется тебе самой сказать.

– Тут не рассказывать, тут показывать надо, – заметил герцог.

– А рассказывать уже потом, – кивнула Полли. – Дети, цыц, я кому сказала! Неужели вы хотите испортить папе сюрприз? Пойдем? – добавила она.

– Пойдем, – покорно кивнул Шарц.

«Сюрприз так сюрприз. Ну что с ними сделаешь, если они все сговорились?»

Когда Шарца зачем-то повели в подвал, он и вовсе растерялся.

– Это какой-то такой подарок, который нужно держать в подвале? – спросил он.

– Это такой подарок, который *обязательно* нужно держать в подвале, – назидательно заметил герцог Олдвик. – По правде говоря, в подвале ему самое место.

За миг до того, как загремели замки и отворилась тяжелая, окованная железом дверь, Шарц наконец сообразил. И... не поверил. Да нет, не может быть такого! Чтобы его Полли... *Издаются они все над ним – вот что! Просто издеваются!*

За железной дверью была небольшая камера. В камере си-

дел фаласский лазутчик – худой жилистый юноша с глазами фанатика и руками убийцы. Храмовый страж. Он казался очень маленьким и несчастным.

– Вот, – гордо сказала Полли. – Это мой подарок.

«Так! Кто это там говорил, что *этого не может быть?*»

– Это... – потрясенно выдохнул Шарц. – Полли, откуда ты его взяла?

– Что значит «взяла»? – фыркнула жена. – Он сам пришел. Очень хотел, видать, чтоб его подарили. Правда, он сам не знал, что этого хочет, но я его уговорила. Объяснила ему, что к чему...

– Объяснила? Уговорила? – пробормотал Шарц. – Полли... как?!

– Ему каким-то образом удалось миновать людей сэра Роберта, – ответил вместо Полли герцог Олдвик. – Он пробрался к вам и...

– И повстречался со мной, – вновь взяла инициативу в свои руки леди Полли. – Я сначала очень испугалась. Он... он угрожал... вытащил нож и... а тут вошла Кэт, а потом и Джон с Роджером. Он обрадовался, решил, что еще сильнее меня напугает, если их схватит. Я и правда испугалась, а потом вспомнила, что я уже не служанка, а леди, жена рыцаря. А разве жене рыцаря можно бояться? Так что, пока он хватал Кэт, я схватила сковородку и...

Шарц пригляделся к пленнику.

– Кто ему швы накладывал? – спросил он.

– Дженкинс, – ответил герцог. – Он как раз неподалеку оказался.

– Хорошая работа, – одобрил Шарц и, нагнувшись к пленнику, добавил: – Дурак ты. Да разве можно с моей женой связываться? Я куда как получше твоего лазутчик, а она меня еще когда в плен взяла. Как есть дурак. Ты б еще крепостную стену поднять попробовал, идиотина...

Фалассец вздохнул.

– Спасибо тебе за подарок, любимая, – промолвил Шарц, обращаясь к Полли. – Хотя я ума не приложу, что мне с ним делать...

– Ну, если ты передаришь его сэру Роберту, я не обижусь, – улыбнулась Полли. – Вряд ли этот подарок сумеет украсить нашу гостиную. Просто... очень уж мне хотелось подарить тебе нечто необыкновенное. Такое, чтоб на всю жизнь запомнилось.

– Ну, тебе это удалось! Такое черта с два забудешь!

– Поверить не могу, – сказал Шарц, когда дверь подземной темницы захлопнулась и усатый стражник занял надлежащее место, – неужто все так и было?

– И правильно не можешь! – воскликнул дотоле молчавший Роджер. – Потому что... все было совсем не так!

– Сначала я двинул этого гада ногой! – подхватил Джон.

– И не попал! – показал ему язык Роджер. – Зато я укусил его за плащ! Он аж побледнел от ужаса. Сразу понял, что ему крышка!

– Очень его твой плащ напугал! – ехидно отозвался Джон. – А вот я...

– Все вы болтаете! – презрительно фыркнула Кэт. – Укусил... ударил... он упал в обморок, когда я завизжала! Правда, мама своей сковородкой чуть все не испортила...

– Так вот как оно все было на самом-то деле... – понимающе покивал сэр Хьюго Одделл, почтенный отец семейства. – Теперь-то все ясно.

– Папа, не верь ей! – в два голоса завопили возмущенные мальчишки.

Сэр Хьюго Одделл посмотрел на жену и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

Дома.

* * *

Что может быть лучше вечера в кругу друзей? Только вечер в кругу семьи, разумеется. Особенно если так давно не был дома... А лучше вечера в кругу семьи может быть только окончание этого вечера, когда остаешься наедине с любимой женщиной. И подарок, который ты приготовил для нее... ты потом покажешь и остальным, тебе не жалко, но ей – первой, а как же иначе?

– Смотри, любимая...

Шарц открыл красивую деревянную шкатулку и достал из нее...

– Боже! – восхищенно охнула Полли. – Хью, что это?!

– Увы, всего лишь копии, – вздохнул Шарц, раскладывая на столе иллюстрации из фаласской книги ядов.

Или фаласской книги сказок, это как посмотреть. Если не знать, что у каждой из этих историй есть устрашающее второе дно, если просто читать эти потрясающие, завораживающие, невероятно интересные сказки... Книга пугала своей двойственностью. Сказки для детей и яды для...

Как она могла одновременно быть и тем и другим, Шарц не понимал до сих пор. То есть умом понимал, конечно. Сам же ее и расшифровывал. А вот в сердце так и не смог смириться. Книга... наверное, она была похожа на своего создателя. Недаром Шарц почувствовал настоятельную необходимость потребовать себе этого несчастного мальчишку. Лекарь в нем просто не мог пройти мимо столь тяжело больного человека. А то, что у его болезни нет медицинского названия, ничего не отменяет. Не у всех болезней есть имена, но лечить потребно и безымянные.

Впрочем, сами по себе иллюстрации никакой дополнительной информации не содержали. С их помощью никого отравить было нельзя. Так почему бы и не порадовать близких качественно выполненными копиями?

Прекрасные девы, покачивая бедрами,плыли в танце, рычащий лев прыгал на свою добычу, стрелок замер за миг до того, как отпустить тетиву, воины взмахивали мечами, борцы, играя мышцами, сходились в поединке, а неистовая фа-

ласская конница рвалась вперед, неудержимая в своем смертоносном броске.

– Боже, какая красота! – восхищенно прошептала Полли. – Тебе в университете подарили?

– Можно сказать и так. То есть сначала мне подарили другую вещь. Если конкретно – книгу, в которой содержались оригиналы этих рисунков. Вот только за этой книгой охотились аж две разведки. А еще две постоянно дышали мне в затылок. Или даже три? Я так и не засекаю арсалийскую... может, ее все-таки не было?

– В этой книге было что-то спрятано? В ней был какой-то тайник?

– Был, хоть и не в том смысле, о каком ты подумала, – ответил Шарц. – В ней весьма хитроумным способом было запрятано некоторое количество крайне мерзопакостных тайн, о которых я не хотел бы распространяться. А кроме этого, в ней еще были чудеснейшие сказки и... вот эти самые иллюстрации. Вопрос с книгой мне в конце концов удалось решить, а заодно и постараться оградить мир от того зла, что она несла с собой.

– Вот и расскажи об этом, да поподробнее, – попросила леди Полли.

Можно ли послушаться любимую женщину? Особенно когда она *так* просит. И при этом *так* смотрит. Наверное, можно, но Шарц этим мастерством не обладал. Наставник в свое время научить не позаботился.

– Полли, это секретная информация, – все же попытался возразить он.

– Хью, мне не нужны ваши с сэром Робертом секреты, – отмахнулась Полли. – Я хочу интересно рассказанную историю. Чтоб мы могли вместе поужасаться, посмеяться и вздохнуть с облегчением. Ну любимый... ну пожалуйста... я же знаю, что ты это умеешь...

Шарц вздохнул.

Что ж, все равно скоро об этой истории запоют все марлецийские барды. И жена профессора Брессака будет первой. А когда слух докатится до Троанна... Одним словом, вряд ли случится что-то страшное, если он всех этих бардов немного опередит. Вот только прославлять самого себя он не станет. Это недостаточно смешно.

– Слушай, любимая...

Она слушала, перебирая картинки, а он любовался ею, в который раз поражаясь своему невероятному счастью, – самая прекрасная, самая добрая, самая мудрая женщина на земле – это *его* женщина.

– Даже странно, – поднимая на него глаза, промолвила она, когда он наконец закончил свою нарочито выдержанную в комическом ключе историю. – Ледгундские агенты... они что, все такие недотепы?

– Полнейшие, – искренне заверил он ее. – Охламон на охламоне...

– И тебе совсем-совсем ничего не угрожало?

«Отвечать нужно быстро!» – шепнул петрийский шпион.

– Не угрожало?! – возмутился Шарц. – Да я, если хочешь знать, постоянно находился в опасности! Я чуть не умер! Ты представляешь, сколько времени я не был в твоей постели, женщина?! Да я чуть не взорвался в этой проклятой Марлеции! Ты не понимаешь, каких усилий мне стоило держать себя в руках и не поубивать этих проклятых секретных агентов! Я так хотел домой... к тебе... а эти обормоты путались у меня под ногами!

– Уй! – восторженно выдохнула Полли, зажмурив глаза.

Ее потрясло мгновенное видение неистового гнома, сметающего две разведки на пути к постели любимой женщины. И эта женщина – она! Подумать только! Это вам не какая-нибудь дурацкая дуэль за честь дамы.

– В постель ты попадешь очень скоро, – пообещала она. – А пока расскажи, откуда именно эти картинки взялись. Ты же не выдергивал их из той книги...

– Ну, про то, как сэр Джордан со своими учениками делали копии с книги, я тебе уже рассказывал. Ему, как и тебе, захотелось узнать всю эту историю. А когда я ему рассказал, он решил сделать мне ответный подарок.

– Вот эти замечательные картинки? – промолвила Полли.

– Да, любимая, – кивнул Шарц. – Вот эти замечательные картинки. По моей просьбе его учениками был изготовлен еще один комплект иллюстраций.

– Вот здорово! – сказала леди Полли. – Надо будет ему

тоже что-нибудь подарить. Может, испечь ему пирог в форме книги? Кстати, Хью, этот мальчик, которого ты привез... мне показалось или он несчастен?

– Он и в самом деле несчастен, – вздохнул Шарц. – Он, видишь ли, в одночасье остался сиротой...

– Бедняга... Они все умерли?

– Да, – ответил Шарц. – Они все умерли.

«В каком-то смысле это и в самом деле так. Его семьей, его единственной семьей была ледгундская разведка... и после того, как они обменяли его на книгу... можно сказать, продали... могут ли они оставаться живыми для него?»

– Неизлечимая болезнь или несчастный случай?

– Несчастный случай.

«Ну и каково тебе в роли „несчастливого случая“?» – с улыбкой поинтересовался шут.

«А что тут такого?» – пожал плечами лазутчик.

«Да нет, – возразил лекарь. – Какой уж тут „несчастный случай“? Скорей уж неизлечимая болезнь. И то, что нам удалось спасти парня, ампутировав все остальное, – большая удача. Лишь бы заражение не началось».

– И что ты собираешься с ним делать? – спросила леди Полли. – Я могла бы завтра поговорить с Ее Светлостью. Может быть, его можно куда-нибудь пристроить...

– Не нужно, – качнул головой Шарц. – Я уже решил. Я беру его в ученики. И, Полли...

– Да, любимый?

– Лучше не расспрашивать его о прошлом. Ему крепко досталось. Захочет – сам расскажет, а нет – значит, нет.

– Хорошо, – кивнула она. – А теперь мы положим эти потрясающие рисунки обратно в шкатулку и пойдем в ту самую постель, куда ты так просился...

Убить учителя

Говорят, в старых замках полно призраков. Не знаю, как в других, а в этом... в этом замке есть как минимум два призрака. Я – и тот, кто меня сюда привез.

Темные потолочные балки, теплое одеяло, чуть пахнущее какими-то травами – лекарственными, наверное... могучая дубовая лавка, которую вдвоем перетаскивать надо... от второго одеяла под спину я отказался, нечего себя излишне баловать, подушка бывшему монастырскому послушнику тоже не нужна...

Странные они все – так заботиться о чужом для них человеке... и так огорчаться, что он, дурачок, своей выгоды не понимает, на голую лавку спать ложится, и подушка ему не нужна, балбесу эдакому.

«Сам посуди, недотепа, какой же из тебя для сэра доктора ученик выйдет, если ты почем зря голову отлеживать будешь?»

«Или ты полагаешь, ему твоя голова вместо ступки будет полезна, когда он свои порошки толочь станет? Ну так ты, того, не сомневайся, у сэра доктора и без тебя пестиков достанет, а ученик – это, брат, дело такое...»

«Ты бы слушал, что тебе старшие говорят, не со зла ж советуем».

Приходится взять и подушку и одеяло. Не спорить же...

Спорить – привлекать внимание. Впрочем, я и так его привлеку. Хуже некуда себя вел, если разобраться...

«Настоящий лазутчик даже в аду на сковородке будет продолжать спокойно собирать информацию, – говаривал прежний наставник. – Впрочем, – тут же добавлял он, – настоящий лазутчик никогда не попадет в ад, черти его просто не заметят».

А я сделал себя заметным.

«Это тот придурок, который на голой лавке спать наладился».

Плохо.

Темные потолочные балки, словно огромные струны... отблески каминного пламени перебирают их огненно-золотыми пальцами. Можно даже представить себе эту музыку. Теплые лютневые переборы... золотистые пальцы касаются могучих струн с величайшей осторожностью... отблесками, тенями, призраками прикосновений... никак не иначе. Ведь стоит огненным пальцам хоть раз въяве коснуться могучих темных струн, и пойдет совсем другая музыка. Ох, какая музыка пойдет! Мелодия пожара не приемлет никакой гармонии. Она признает только диссонанс.

Темные потолочные балки улыбаются моим мыслям. Так странно лежать здесь. Это место так отличается от всего, что я видел, от всего, что я знал... смешное, нелепое место...

Как он живет тут, человек, победивший нас всех, то есть гном, конечно, но ведь это без разницы, он так непохож на

своих соплеменников, торгующих на олбарийских рынках, что... или это я просто мало ихнего брата видел? Торговцы еще не показатель, я ведь даже гномов-ремесленников ни разу не видел, а уж лазутчиков и воинов... И все же... как он живет *здесь*, в этом странном месте, где добычей является любой и каждый, включая здешних воинов. Как живется *настоящему охотнику* среди такого количества непуганой дичи, которая резвится и не знает, что она – дичь, добыча? Как здесь живет тот, кто одолел две разведки? Тот, кто настоял на своем и добыл то, что ему было нужно. *Меня*.

Я не хочу знать, *зачем* он это сделал, зачем я ему понадобился. Просто не хочу, и все тут.

Эта смешная маленькая служаночка, заботливо предупредившая меня, чтоб я не ложился спать головой к двери, а то, дескать, кошмар может присниться...

Мне никогда не снятся кошмары. Быть может, потому, что я не могу избавиться от них наяву. Я научился жить с ними, отодвигать их в сторону, как тонкую занавесь, и видеть небо, солнце и весь остальной мир, но они все равно тут, рядом... Они всегда со мной. Жуткие призраки прошлого...

Поэтому я не хочу знать, *зачем на самом деле* я понадобился этому чудовищу под улыбчивой доброжелательной маской, маской столь совершенной, что она кажется настоящим лицом. Маской, столь неотличимой от лица, что даже моя подготовка сдает и я начинаю ему верить. Верить безоглядно, неистово, искренне. Так хочется и в самом деле ему

поверить. Так хочется...

Когда-нибудь он снимет эту маску... я не хочу знать, *что* посмотрит на меня оттуда. Я устал знать такие вещи. Мне всего восемнадцать, но я слишком много знаю.

Чудовищам нельзя верить. Они хватают тебя за горло именно в тот момент, когда ты готов разорвать грудь и протянуть им свое сердце, трепетно шепча о любви и восхищении. Чудовищам всегда нужно твое сердце, просто они предпочитают вырвать его сами, твои боль и ужас для них куда приятнее твоей любви и восторга.

Я не верил своему прежнему наставнику. Любил до безумия, но никогда не верил. Стану ли я верить тому, кто победил его? Он еще более совершенное чудовище, только и всего.

Я не собираюсь доверять чудовищам.

Да.

Так.

Я и сам чудовище. Мне тоже нельзя верить. Разве я не вырвал сердца тех, кто доверял мне, там, в Фалассе? Некоторых мне даже пришлось убить. У меня был приказ.

Быть может, поэтому мне никогда не снятся кошмары. Чтобы испугаться, мне достаточно просто вернуть занавесь на место...

А еще я могу посмотреть в зеркало. Смешно? Говорят, я красивый. Они просто не умеют видеть. Наставник никогда не говорил мне подобного. И этот... новый... не скажет. Я

недостаточно крупное чудовище для таких, как они, поэтому они видят меня насквозь...

А красота... красота – это совсем другое...

Я устал. Устал улыбаться, шагая из боли в боль, из страха в страх... а здесь все такое ненастоящее. Мне было бы проще в пыточной камере. В нее я мог бы *поверить*. Мне было бы проще в воровском притоне, я считал бы это удачей. Я бы знал, как мне действовать. Мне было бы проще, знай я, что мой новый наставник собирается меня зажарить и съесть. В этом была бы какая-то определенность. И я бы прямо сейчас перерезал себе горло, если б не принесенная *клятва*. Что-то мешает – всегда мешало – нарушить клятву. Быть может, потому, что это последнее, за что я еще держусь... Моя собственная клятва. Мое собственное решение подчиняться, служить, принадлежать кому-то...

Снег. На улице опять идет снег. Так приглушать все прочие звуки, делая их при этом более округлыми, постепенно заменяя их своим едва слышным шепотом, может только снег.

Обычные люди сейчас, сладко позевывая, переворачиваются с боку на бок, намереваясь нырнуть из одного уютного сна в другой. Обычные люди... я никогда не был обычным, разве что совсем давно, в том детстве, которого я почти не помню. А потом – нет. Никогда – нет. Я уже никогда не смогу эдак спокойно уснуть, твердо веря, что если как следует помолиться на ночь, то никакие чудовища тебе не страшны.

Я слишком хорошо знаю чудовищ, которых не умолить никакими молитвами. Я и сам из них.

Снег...

Мой наставник все-таки странный... надо же, уложил спать в мастерской... так оно вроде бы ученику и положено – в мастерской спать... вот только... не мог же он не подумать о том, кто я такой и чего могу натворить при случае...

Разумнее было бы устроить меня в людской. Да такой, где народу побольше. На его месте я бы так и поступил. Мне поневоле пришлось бы первое время ничего не предпринимать, изучить привычки и повадки своих соседей, приучить их к себе, войти в доверие, разведать окружающую обстановку и только потом...

За это время наставник бы ко мне присмотрелся и уже знал бы, чего от меня ждать... так нет же!

Совершенно пустая мастерская. И коридор пустой. И комната рядом – тоже. И приемная лекаря, и коридор рядом с ней – все пустое. Ни тебе сторожа, ни охранника, хоть бы собаку какую на цепь посадили, не всерьез, так хоть для смеху...

Не уважает меня наставник. Издевается. Или проверяет? Или... или ему достаточно было один раз на меня посмотреть, чтоб все-все понять и наперед рассчитать? С такого, как он, станется. В первую же ночь – одного оставил. Иди куда хочешь, делай, что в голову взбредет... Да прямо тут, в мастерской, всякие лекарские порошки открыто лежат. Да я

ж какую угодно отраву могу приготовить!

Не может же быть, чтобы *он* о таком не подумал. Эдак сглупил. Не-ет, Эрик... это может быть что угодно, от проверки до издевательства, но никак уж не глупость. Этой ужасной болезнью, коей поголовно больно почти все человечество, твой новый наставник не страдал, не страдает и страдать не будет. И вовсе не потому, что он гном. А потому что – чудовище. К чудовищам зараза не липнет. Они ею завтракать изволят.

Однако чем бы это ни было, а спускать ему такое не стоит. Он ведь еще не сегодня снимет улыбчивую маску доброго доктора, он еще не сейчас потребует у меня сердце. А значит... отраву мы, конечно, делать не будем. Нет у нас такого приказа. А вот подмешать, скажем, слабительное к средству от головной боли... замечательные такие пакетики, аккуратным докторским почерком надписанные, чтоб, значит, больной нипочем не перепутал... а мы поможем перепутать и поглядим потом, с каким лицом добрый доктор будет выслушивать жалобы пациентов. Или даже не жалобы, а... голова может заболеть, к примеру, и у самого герцога...

...Вот и посмотрим!

Сотворить требуемое было делом нескольких мгновений, вслед за чем бывший ледгундский лазутчик вернулся на свое место. Еще миг – и он уже крепко спал. Кошмары его и в самом деле не мучили. А то, что призрачные пальцы даже в самом глубоком сне продолжали сжимать незримую зана-

весь, – про то даже Шарц не ведал.

А тебе никогда не снятся твои собственные призраки, наставник?

* * *

К утру снег перестал.

Эрик понял это, не просыпаясь. Проснулся он позже, когда услышал шаги наставника.

– Доброе утро, Эрик, – поприветствовал Шарц своего нового ученика.

После чего стремительно прошел к столу, где были приготовлены пакетики с лекарствами, безошибочно выцелил приготовленную Эриком «адскую смесь», мгновение ее разглядывал и, усмехнувшись, сообщил:

– Пропорции неверные. Эдак не понос выйдет, а рвота. Или ты решил, что чем больше, тем лучше?

Выбросив означенный пакетик в мусорное ведро, Шарц добавил:

– Больше так не делай. Стыдно. Взрослый человек, а ведешь себя как маленький.

– И вам доброе утро, наставник... – выдохнул ошарашенный Эрик.

«Как маленький?!»

– Через три минуты я жду тебя во дворе, – сообщил гном и вышел, прикрыв дверь.

Что ж, выполнять такие распоряжения Эрику было не впервой. Ровно через три минуты, полностью одетый и готовый ко всему, он открыл наружную дверь... и оторопел. Это ему только казалось, что он готов ко всему, тогда как на самом деле...

Бодро пыхтящий Шарц заканчивал строительство снежной стены. Другая точно такая же уже высилась напротив.

«Он что, за три минуты все это выстроил? Или занимался этим до того, как меня будить явился?»

«Он что, на самом деле псих?»

«И что, черт побери, мне-то делать?!»

– В снежки играешь? – спросил Шарц, отрываясь от своей крепости.

«Что я, ребенок, что ли?»

– Нет, наставник, – растерянно ответил Эрик.

– Значит, сейчас научишься, – бодро посулил гном. – Дело нехитрое. Берем, значит, пригоршню снега... смотри внимательно, чем круглее и тверже выйдет снежок, тем лучше он летит...

«А если сделать снежок совсем твердым и ненароком угодить в висок...»

– Сообразил? – спросил наставник.

– Да, – кивнул Эрик, вылепляя снежок.

«Чего ж тут не сообразить-то? Несчастный случай, и все дела...»

Чем-то подобным он, должно быть, занимался в детстве,

разглядывая вылепленный снежок, думал Эрик. В таком далеком-далеком детстве. Но слишком много всего случилось потом. В пять лет, когда он просил милостыню, ему не до снежков было. В шесть, когда его подобрал наставник, он учился метать ножи. На снежки как-то времени не осталось. И вот – на тебе... Эрик крутил в руке дурацкий снежный шарик. «Новый наставник велит вернуться в детство?»

«Больше так не делай. Стыдно. Взрослый человек, а ведешь себя как маленький», – тотчас припомнилось ему.

«А в снежки играть – это как? Это что – взрослое занятие, наставник?» – хотелось спросить ему.

«Или я чего-то опять не понял... или ему хочется посмотреть, как я двигаюсь... или...»

– Готово, – сказал Эрик, демонстрируя снежок наставнику.

Точно так же он продемонстрировал бы переведенный текст, запись подслушанной беседы, скопированную карту, похищенное у врага секретное донесение или чужую перерезанную глотку.

– Тогда кинь его на пробу в меня, – потребовал Шарц.

– А куда попасть? – откликнулся Эрик.

– В нос, разумеется, – ответил гном, делая шаг назад, и Эрик кинул.

Рука наставника легко перехватила снежок перед самым носом. Повертев его в пальцах, гном кинул снежок обратно. Эрик привычно уклонился.

– Неплохо, – констатировал Шарц. – Давай за свою стену! У тебя десять минут, чтоб захватить мою. Нехватишь – останешься без завтрака! Да, чуть не забыл, в кого попали – тот убит.

«Он псих, псих, вот честное слово, он – псих!» – думал Эрик, а руки лихорадочно лепили снежки. Что делал наставник, укрывшись за своей «стеной», видно не было, но не пойдешь же проверять с двумя-тремя снежками. Проклятый гном, должно быть, уже целую сотню налепил!

«Лучше бы он просто оставил меня без завтрака, за те порошки, чем эдак...»

«Ну вот, этого должно хватить. Надо бы побольше, но ведь и время поджидает... не то чтобы мне так уж нужен этот завтрак, но приказ есть приказ!»

Отогнув полу кафтана и погрузив в нее весь свой «боезапас», Эрик обогнул свою «стену» и, пригибаясь к земле, кинулся в атаку. Над его головой просвистел снежок. Еще один. Еще. Эрик увернулся, высматривая, где же наставник, но того не было видно.

«Из-за стены, на звук кидает! – понял Эрик. – Снег под ногами хрустит почему зря, тут и лазутчиком не нужно быть, чтоб услышать!»

Он громко топнул ногой и тотчас откачнулся, замер со снежком в руке. Наставник не поддался на уловку. Одиноким снежком пикировал точно в лоб, Эрик едва успел увернуться. Что ж, зато он засек место, откуда вылетел снежок.

Снег под наставником покамест не скрипел, так что если бросать снежки очень-очень быстро, один за другим, навесом, есть шанс, что... Короткими кистевыми движениями Эрик отправил на ту сторону вражеской стены почти половину своего боезапаса... и вынужден был позорно бежать под защиту собственной стены. Он мог бы поклясться, что гном просто перехватил все его снежки, взял из воздуха и вернул назад. Ответить тем же самым, попытаться перехватить снежки еще раз Эрик не решился. Вдруг один какой не поймаешь? Обидно проиграть из-за одного-единственного попадания.

Некое невероятное снежное чудовище, слепленное, наверное, не меньше чем из сотни снежков, тяжело перелетело через стену и рухнуло рядом. Эрик кубарем отлетел в сторону, спасаясь от снежных брызг, словно это и впрямь было нечто представляющее опасность, нечто способное его уничтожить.

Время, время, время! Сейчас наставник скажет «стоп», а он так ничего и не сделал.

Слепив четыре снежка, Эрик кинулся на отчаянный прорыв.

«Хоть одним, да попаду!»

Орлом взлетая на гребень вражеской стены, ожидая неминуемого града снежков в лицо, замахиваясь для решительного, пусть и посмертного удара... он был внезапно и безжалостно расстрелян в спину. Коварный гном, ухмыляясь, сто-

ял на гребне его стены.

«И как он там оказался? Когда? Почему я ничего не слышал? Не скрипел ведь снег под его ногами! Не скрипел!»

– Я убит, наставник, – обреченно вздохнул он, роняя оставшиеся снежки.

«Да я же всерьез это все воспринимал, – вдруг сообразил он. – Снежки эти, стены... я же сражался, как на самом деле!»

– Отлично, Эрик, – улыбнулся гном.

«За что он меня хвалит, я же проиграл?»

– За то, что смог, – непонятно ответил гном на незаданный вопрос.

«Смог что? Играть? Забыть о том, что все это ненастоящее? Но зачем это наставнику? Какая от этого польза?»

Он так и не решился спросить, а гном не пожелал и дальше читать его мысли.

– Пойдем, – сказал гном.

– Да, наставник, – кивнул Эрик.

– Помнишь те пирожные, что нам подавали в Марлеции? – продолжил Шарц.

– Конечно, наставник.

– Главный повар Олдвика по моей просьбе специально для тебя приготовил такие же... помнишь, я говорил, что здешние пирожные все равно лучше? – подмигнул гном.

– Но разве я не лишен завтрака, наставник? – удивился Эрик. – Я же не смог захватить «стену».

– Разумеется, лишен, – кивнул Шарц.

– Но какие тогда пирожные? – окончательно растерялся Эрик.

– А кто тебе сказал, что мы собираемся завтракать? – плутовски ухмыльнулся гном, берясь за дверную ручку. – Мы собираемся обедать!

* * *

Равномерно поскрипывающую лестницу Эрик оценил по достоинству. «Скрипит не от старости, не оттого, что вот-вот развалится, а для того, чтобы идущего слышать было».

Впрочем, способов попасть в любую точку дома хватает и без лестницы, но... далеко не всем об этом известно. А для тех, кому все-таки известно... кто знает, *что* приготовлено наставником на других возможных маршрутах? Если не знаешь – лучше не проверять. Это для простых смертных обычный скрип припасен, а для всех прочих...

Скрипнувшая дверь прервала его размышления.

– Это мой новый ученик – Эрик, – сказал наставник тем, кто был внутри.

И Эрик поклонился, бормоча что-то приличествующее случаю.

– А это моя семья, Эрик, – продолжил Шарц, начиная представлять присутствующих: – Это моя жена – леди Полли, с ней тебе ни в коем случае не следует спорить, я сам

этого никогда не делаю. Это мои дети, Роджер, Джон и Кэт, будь очень осторожен с ними, они воистину опасны для жизни, я никогда не могу предугадать, что они вытворят в следующий момент!

– Ура! – закричали «опасные для жизни» дети. – А нам можно будет поиграть с Эриком?

– После завтрака, – промолвила леди Полли. – Проходи, Эрик, садись.

– Я не хочу завтракать! – тотчас заняла Кэт.

– Абсолютно правильно, – кивнул Шарц. – Никто из нас не будет завтракать, потому что сейчас не завтрак, а обед. А раз обед, значит, надо обедать, это же ясно!

– Как обед? – слегка удивилась Кэт. – Какой еще обед?

– Самый настоящий, – без улыбки подтвердил сэр Хьюго Одделл, почтенный отец семейства. – А кто не верит, может у Эрика спросить.

– Да быть того не может! – ухмыльнулся Роджер.

– Поклянись! – уставившись на бывшего ледгундского агента, потребовал Джон.

– Клянусь! – торжественно проговорил Эрик.

«Они все психи, все!»

– А почему? – с каверзной улыбкой спросила Кэт.

– А потому что я вашему папе в снежки продул, – в ответ улыбнулся Эрик. – Каждый раз, когда такое происходит, сразу настает обед. Так что ничего не поделаешь.

«Боже, что за чушь я несую?!»

Эрик даже испугался, услышав от самого себя такое. Кто-то незнакомый, кто-то сидящий глубоко внутри вдруг ответил этим детишкам. Он знал, что ответить, он даже улыбнулся. Вот знать бы еще, кто он такой, черт его побери! Каждый раз, как он в снежки продувает, сразу, видите ли, обед случается!

«Это он в снежки играл, – вдруг понял Эрик. – Он и продул, а мне теперь отдувайся!»

– В снежки, значит? – переспросила Кэт.

– Вот-вот, – с умным видом покивал Шарц. – Именно что в снежки.

– Подумаешь! – воскликнул Роджер, торжествующе поглядев на Эрика. – Нашему папе в снежки только мы не проигрываем! Да еще Его Светлость иногда... и что-то я ни разу не припомню, чтоб после этого обед случался!

– Он случался, – втягиваясь в игру, таинственным голосом прошептал Эрик. – Просто никто об этом не знал. Мы разгадали эту тайну вот только сейчас...

И опять говорил словно бы не он сам. Да ему такая чушь просто в голову бы не пришла!

«Кто же он такой? – испуганно мыслил бывший ледгундский лазутчик. – Меня ведь не учили общаться с детьми, я не должен знать, как... меня, конечно, учили быстро ориентироваться в окружающей обстановке, ну так то внутри задания, внутри „легенды“... а сейчас ничего этого нет. Нет задания. Нет „легенды“. И этот... тот, что внутри... он ведь

не притворяется, не делает вид. Он говорит то, что думает, не думая, что говорит! Он же что угодно сказать может! Он *верит* своим словам!»

Эрик испуганно замер, соображая, что в нем поселился неведомый предатель. Или безумец, что, по большому счету, одно и то же.

– Словом, сейчас самый что ни на есть настоящий обед, – проговорили его губы, а глаз дернулся и подмигнул. Эрик чуть за него не схватился.

– Вот-вот, – вновь покивал Шарц. – Обед. И никаких завтраков!

– Ах, обед! – воскликнула леди Полли, и ее глаза засияли. – И как это я не сообразила? Ну ладно, скатерть менять на обеденную не будем. Кэт, будь хорошей девочкой, сходи и принеси *обеденные* салфетки.

– А что у нас тогда потом будет вместо обеда? – спросил Джон.

– Еще один обед, – ответил Шарц. – У себя дома мы можем себе позволить столько обедов, сколько захотим.

– Эрик, ты не стесняйся, накладывай чего хочешь и главное – побольше, – обратилась к нему леди Полли. – Быть лекарем – нелегкий труд, так что набирайся сил.

«Семья... – ошалело мыслил Эрик, послушно передавая то хлеб, то масло, накладывая себе то одного кушанья, то другого. – У моего наставника – семья... Как это может быть? Как он не боится? Как он не боится приводить сю-

да меня? Приводить, сажать за один стол с этими людьми? Со своими детьми? Он ведь знает, что я собой представляю. Или он просто никого из них не любит? Ему наплевать, что с ними станет?»

«И если ему наплевать, что с ними станет, что же он делает со мной? Раньше или позже – сделает... *Неужели я все-таки хочу знать это?* Зачем? Очередной раз проверить себя на прочность? Бред. Я не выдержу этой проверки. Я сейчас никакой проверки не выдержу. Чтобы быть сильным, человек должен знать, где верх и где низ, а я не могу похвастаться, что знаю. Я ничего не могу знать с тех пор, как меня... предали. Да, бывший наставник назвал бы это другим словом. Оно есть. Хорошее такое слово – пожертвовать. Благородное такое. Вот только... я никогда не задумывался о том, что же чувствует жертва. И потом – жертва должна умирать. Пусть мучительно и страшно, как угодно, но умирать. В этом ее предназначение. Жертву нельзя заставлять мучиться вечно, а если все-таки заставляют, она должна знать зачем. Если бы мне приказали выведать какие-нибудь секреты проклятого коротышки! Хоть что-то! Мне уже не важно – что. Если бы я знал, что продолжаю оставаться одним из *них*... Но нет, меня заставили стать учеником. Учеником врага. А значит, для меня больше нет тех людей, благодаря которым я всегда знал, где верх и где низ. Их нет. Они ушли. Умерли. А в этом новом для меня мире я ни черта не понимаю. Откуда я могу знать, где тут верх, где низ, может, тут все на головах ходят?»

– А вот и пирожные, – сказал Шарц. – Дети, имейте совесть, оставьте Эрику хоть парочку! Я ему столько про них рассказывал...

«Боже мой... какая ты все-таки тварь... какое же ты чудовище, наставник... жуткое, страшное, потустороннее... вот так вот... сидеть, шутить, улыбаться, притворяться, что любишь... и теми же руками, которыми накладываешь жаркое, протягивать тем, кто в тебя верит, гремучую змею. *Меня*. Подержи, дескать, и передай соседу».

Пирожные и в самом деле были хороши. Куда лучше марлещийских.

* * *

После завтрака, так правдоподобно притворившегося обедом (или это обед притворился завтраком?), Шарц объявил, что ему пора. Утренний осмотр больных – дело святое.

– Пойдем, Эрик, – промолвил он. – Для начала просто поприходишь, присмотришься, что к чему.

– Эй, а как же мы?! – возопила бесшабашная троица. – Нечестно!

– Мама обещала! – восклицала Кэт.

– После завтрака, – в один голос вторили Роджер и Джон.

– Эрик с нами играет! – закончили все трое. – Ну пожа-алуйста...

– Так то ж после завтрака, – хитро прищурился глава се-

мейства. – А у нас был обед. Послеобеденное время никак не оговаривалось... боюсь, что...

– Ну папа, ну пожалуйста, ну-так-не-честно... – проняла Кэт.

– Почему же нечестно? – удивился сэр доктор.

– Это был не настоящий обед, – решительно заявил Джон.

– Не настоящий? – с улыбкой переспросил Шарц. – Быть того не может! Если бы он был игрушечным, я бы это своим желудком почувствовал.

– На самом-то деле никакого обеда не было! – добавил Роджер.

– Seriously? – огорчился Шарц. – Ты хочешь сказать, что остался голодным? Полли, ты слышала? Дети остались голодными...

– Ну па-а-па, ты вредный! – Кэт скорчила очаровательную гримаску. – Нам говоришь, что маму слушаться надо, а сам?

– Ну, если кто-то перестанет капризничать за столом, то, я думаю... вопрос можно будет решить положительно! – вновь улыбнулся Шарц.

– Я не буду! – комкая салфетку, тотчас пообещала Кэт.

– Тогда ладно, – кивнул Шарц.

А Кэт тихонько шепнула:

– Иногда не буду.

– Что ж, Эрик, – сказал Шарц. – Задание усложняется. Первое впечатление о работе лекаря ты будешь получать на слух. Через стену. Думаю, при твоей подготовке это не станет

большой проблемой.

– Я постараюсь, наставник, – кивнул Эрик.

– Играть будете в мастерской, – объявил Шарц своему потомству. – И не шуметь. А то у меня больные разбегутся.

– А мы их обратно наловим! – восхищенно воскликнул Роджер.

– Упакуем, ленточкой перевяжем и подарим тебе на Рождество! – обрадованно добавил Джон.

– Попробуйте только, – пробурчал Шарц, обнимая и целуя жену. – Полли, милая, у меня после утреннего осмотра обход. Так что раньше обеда нас с Эриком не ждите.

–обеда?! – Брови леди Полли смешно поползли вверх. – Какого еще обеда, милый? Мы ведь уже изволили отобедать!

Шарц ухмыльнулся.

– Ну разумеется, я имел в виду *второй* обед, любимая. – Он еще раз поцеловал жену и вышел, сопровождаемый детьми.

Эрик последовал за ними.

Меня учили жить среди монахов, и, видит бог, я неплохо справлялся! Осталось понять, как выжить среди шутов...

* * *

Играть с детьми? С детьми наставника? Во что я должен с ними играть? Да еще так, чтобы тихо было. Чтобы наставника слышать. Это уже не снежки. Людей лечить – для него

это серьезно, а значит, и спрашивать будет как следует. Тут шутками не отделаешься.

Что ж, как ни странно, для меня это тоже серьезно. Когда б не парочка ледгундских докторов, меня бы сейчас и в живых не было. Другое дело, что сам становиться доктором я не собирался, но... против судьбы не попрешь. Надо – значит, надо. Если б еще не странная идея, будто я могу во что-то играть с детьми... Кажется, в подготовку лекаря это все-таки не уходит.

Так во что же с ними играть? Во что-то тихое? *Показать им разве, как часовых бесшумно снимают?* Ага, наставник небось спасибо скажет. Счастлив будет безмерно.

– Ровно через минуту у меня первый больной, – промолвил Шарц. – Не шуметь. Играть тихонько. Эрик, я надеюсь, что ты будешь внимателен и все услышишь.

– Да, наставник, – кивнул Эрик, привычно раздваивая сознание. Лазутчику часто приходится говорить с кем-то одним, а внимательно слушать при этом кого-то совсем другого. Ничего особенного, если разобраться. Задача не сложнее прочих.

– Удачи, – бросил наставник, и дверь за ним закрылась. Удаляющиеся шаги, легкий скрип двери лекарского кабинета, опять шаги, скрип стула, выдвигной ящик письменного стола, шелест бумаг... так, еще чьи-то шаги... «добрый день, доктор!» Это там. А здесь... Три пары любопытных глаз уставились на него.

«Так во что же все-таки с ними играть? А может, пусть сами решают?»

– Ну, во что играть будем? – напрямик спросил он.

– Кто громче орет, – каверзно ухмыляясь, предложил Джон.

– Тут и играть нечего, – пренебрежительно фыркнул Эрик. – И так ясно, что громче всех будет орать ваш папа, едва мы рты откроем. На нас, между прочим.

– А Джон всегда всякие глупости выдумывает и другим советует, – наябедничала Кэт.

– *Так, уважаемый, – говорил меж тем Шарц за стенкой, – как поживает наша спина?*

– *Не знаю, как ваша, доктор, – отишучивался пациент, – а моя благодаря вам много лучше.*

– *Что ж, давайте посмотрим...*

– Ну, тогда в догонялки сыграем, – предложил Джон.

– Для догонялок места нет, – заметил Роджер.

– Скучища, – буркнул Джон. – Давайте лучше тихонько вылезем в окно и...

– Мы-то вылезем, – возразил Роджер. – А Эрик? Ему краем уха надо слушать, чем там папа занимается. Ты как, Эрик, слушаешь?

– Конечно, – кивнул Эрик.

– Ну... давайте в рыцарей сыграем! – вновь предложил Джон. – Эрик, будешь в рыцарей?

– Объяснишь как – буду, – ответил Эрик, продолжая ста-

рательно прислушиваться. «Ох, как у этого, со спиной, кости-то хрустят!»

– А очень просто, – сказал Джон. – Кэт будет королевой, мы с Роджером...

– Почему это я буду королевой?! – возмутилась она. – Чуть что, сразу я! Сам будь королевой, раз такой умный!

– Потому что ты девчонка! – попробовал настоять Джон.

– Сам девчонка! – фыркнула Кэт. – Вот как дам в глаз, тогда узнаешь, кто здесь девчонка!

– Ну... э-э-э... ты самая красивая, – попробовал подольститься Джон. – А королева должна быть красивой, правда, Роджер?

– Вот я тебя и разукрашу сейчас, – непримиримо посулила она. – Сразу все вопросы отпадут!

– Кэт, ты чего? – миролюбиво поинтересовался Роджер.

– А он чего? – обиделась она. – Почему вам, мальчишкам, всегда все самое интересное? Так нечестно! Я тоже хочу быть рыцарем! А королевой я уже в прошлый раз была!

– Давайте бросим жребий, – предложил Роджер. – И не шумите так, а то Эрику, наверное, ничего не слышать.

– Давайте, я буду королевой, – неожиданно для себя предложил Эрик. – Я еще ни разу в эту игру не играл, так что мне все равно, кем быть.

Ходить, обмахиваясь незримым веером. Горделиво носить увенчанную короной голову, зная, что там, где твои ноги касаются земли, тотчас распускаются удивительные

цветы. С высоты королевской башни взирать на подвиги неустрашимых рыцарей, сражающихся с ужасными драконами. Выслушивать шепотом спетые серенады и благосклонно ронять коленопреклоненным рыцарям невидимые цветы.

Эрик и сам не заметил, как эта детская игра увлекла его. Увлекла настолько, что даже голос наставника отошел на второй план. Нет, конечно, он не упустил ни слова! Как можно! Его не для того столько лет готовили, чтоб он в два дня все позабыл и растерял навыки, но... Если бы сейчас кто спросил бывшего ледгундского лазутчика, что для него важнее... высокомерная королева бросила бы на наглеца презрительный взгляд... и отвернулась к своим бесстрашным рыцарям. О, разумеется, он все услышал и запомнил, кое-что даже понял, вот только... ну какое это все имеет значение? У нас тут турнир с драконами, чтоб вы понимали!

«Эти малолетние мерзавцы подарили мне задание! – с тихим ужасом осознал Эрик. – Они дали мне „легенду“! Вот отчего мне так легко дышится!»

«Но если я могу жить и дышать, только имея задание, если я существую лишь тогда, когда с ног до головы одет в легенду... не значит ли это, что меня самого и вовсе нет?»

Ослабевшая рука выпустила занавесь, и страхи толпой кинулись на Эрика. И он бы погиб, но величественная королева взмахнула веером... и вернула занавесь на прежнее место. Вновь стало можно дышать. Жить.

И никто ничего не заметил.

– Эрик, ты самая здоровская королева, которую я видел! – восхищенно прошептал Роджер.

– Кто такой Эрик? – презрительно спросила королева.

– Простите, ваше величество... – склонился бесстрашный рыцарь. – Оговорился. Дракон... по шлему задел. В голове малость того... смешалось.

– Я дарую вам свое прощение, рыцарь, – милостиво кивнула королева.

– *Благодарю вас, уважаемый сэръ... – послышался из-за стены голос больного.*

– *Сэр я для других сэров, – ответил голос наставника. – А для больных я просто доктор...*

– Ну, во что теперь поиграем? – спросил Джон, когда все драконы были сражены, а все прекрасные дамы завоеваны.

– Кто кого первым за нос поймает, – предложила Кэт.

– Шумно получится, – покачал головой Роджер. – Потом, на наши носы никто не смотрит, кроме папы с мамой, а над Эриком смеяться станут, если у него нос покраснеет.

– А давайте, я вам лучше покажу, как сделать, чтобы тебя никто и никогда за нос не поймал, – предложил Эрик, припомнив, чему его обучил еще прежний наставник, – давно, когда он был куда меньше этих детишек.

– А что? Есть такой способ? – обрадовался Джон. – Давай, показывай, а то Кэт знаешь как больно за нос хватает?!

– Что ж, хватай тогда меня за нос сам, – предложил Эрик. – А я покажу. Только медленно хватай. А то непонят-

но будет.

– Непонятно? – переспросил Джон.

– Увидеть не успеешь, – пояснил Эрик. – И пальцы можешь отбить.

Как хорошо, что он еще не забыл эти детские упражнения! А ребяташки у наставника какие славные! А смышленные! С одного раза запоминают! Он показал одно, другое, третье... и замер, сообразив, что пойдет следующим номером... *как убить взрослого, если ты еще маленький...* Нет уж! Наставник шкуру спустит и правильно сделает!

– Ну вот, собственно, и все, что я знаю, – промолвил он. Очередной по счету пациент здоровался с наставником, жалуясь на ломоту в костях и боли в груди.

– Здорово! – сказал Роджер. – Вот научусь, и никто больше не ухватит меня за нос. И за ухо!

– А давай Эрика напугаем! – вдруг с ухмылкой предложил Джон.

«Нет уж, не выйдет! – усмехнулся в душе бывший ледгундский агент. – Сами мне задание подарили, сами „легендой“ прикрыли... стану я теперь чего-то бояться! Ждите! Разве что самого себя, так это от вас не зависит...»

– А давай напугаем, – неожиданно согласился Роджер.

– Они всех так пугают, – пояснила Кэт. – Это совсем не страшно. Просто неожиданно...

– Кэт, – с укоризной промолвил Роджер. – Ну кто тебя просил все портить?

Джон тем временем ухватил стоявший на столе серебряный поднос с алхимической посудой и, небрежно размахнувшись, швырнул его в Роджера. Эрик так и застыл с раскрытым ртом, ожидая неминуемого звона бьющегося стекла. «Что ему наставник скажет!»

И не дождался.

Роджер каким-то чудом успел выхватить поднос из-под всей этой груды летящего в него стекла. Эрик замер, восхищенно созерцая, как ловкие маленькие руки быстро-быстро выхватывают из воздуха чашу за чашей, колбу за колбой, пробирку за пробиркой. Выхватывают и ставят на лежащий на коленях поднос. Последние пробирки Роджер ловил уже лежа.

– Выпендриваешься, – буркнул он брату. – Не мог аккуратней кинуть? Я последнюю едва поймал...

Он сердито фыркнул и раздраженно отбросил поднос с аккуратно расставленными колбами... туда, где стояла Кэт.

И все повторилось.

Когда Кэт тем же способом вернула пробирки Джону, Эрик просто не знал, что ему думать.

– Здорово! – потрясенно сказал он.

– Ну? Ты испугался? – с надеждой спросил Джон.

– Конечно, – искренне ответил Эрик. – До сих пор вне себя.

Он и в самом деле вне себя, вот только совсем по другой причине.

«Это ты их простейшей самозащите учил, самонадеянный болван? Да они сами тебя чему хочешь научат! Нет, ты скажи, ты сам поймал бы эдакую кучу всякой стеклянной дряни?! Да чтоб ничего не разбить. Да чтоб сильно не нашуметь. Так, легкий мелодичный звон... Ах, не можешь? Ну то-то... Учитель выискался!»

«Ай да детишки у наставника! Вот почему он не побоялся меня с ними знакомить. Таким мастерам попробуй что-нибудь сделай! Видать, с пеленок натаскивал. А я-то... „Как он может такое чудовище, как я, со своими близкими знакомить?“ Очень даже может. Еще неизвестно, кто большее чудовище, я или эти милые детки».

Эрик внимательно посмотрел на всех троих. Их лица показались ему какими-то хитрыми и многозначительными. Впрочем, кто знает, быть может, это всего лишь игра воображения?

«Уж если у него дети на такое способны, страшно даже представить, что его жена может! Она, конечно, на лазутчика и вовсе не похожа, но ведь это и есть самое оно... настоящий мастер ничем не отличается от обычного человека, пока он не начал действовать... великий мастер, даже начав действовать, продолжает казаться обычным человеком. Он словно бы и вовсе ничего не делает, все вокруг него происходит само. Случайно, разумеется. А он всего лишь обычный человек, до глубины души потрясенный случившимся...»

– Во что теперь поиграем? – спросил он.

– В конюшню, – решительно ответила Кэт.

– В конюшню? – переспросил Эрик.

– В лошадиного доктора, – уточнила Кэт. – Я буду доктором и Четыре Джона, а вы будете кони.

– По-моему, это нечестно, захватывать себе сразу две роли, – заспорил Джон.

– А по-моему, честно, – ответила Кэт. – Все равно никто из вас ничего не понимает в лечении лошадей. И потом, какая же это конюшня, если в ней меньше трех коней?

– *Значит, сначала вот это снадобье, а после – это? Три раза в день? Спасибо, доктор. Запомню, как не запомнить...*

– А что должны делать кони? – спросил Эрик.

– Ржать, – хихикнул Джон.

– Подвергаться медицинскому осмотру, – сказала Кэт. – Джон, ты первый.

– Почему я? – удивился Джон.

– Ржешь слишком много, – ответила Кэт и показала язык. – Ретивость повышена.

– Так это же хорошо! – возмутился Джон.

– До определенного предела, – строго сказала Кэт. – А ты его перешел.

– Не переходил я! – заспорил Джон. – Это только видимость!

– Я доктор, мне виднее, видимость это или серьезное заболевание, – неумолимо бросила Кэт, решительным жестом раскрывая незримую медицинскую сумку. – А будешь спо-

ритель, твой случай станет трудным и к тому же запущенным.

Вот и еще одно задание. Сыграть коня! Ничего себе «легенда»! Достоверно сыграть коня... стать конем... выглядеть как конь... думать как конь... чувствовать... Так, чтоб никто не усомнился, надевая седло...

– Боже, какая у тебя красивая грива! – И пальцы Кэт пробежались по волосам.

Великолепный фаласский скакун раздул ноздри и гордо встряхнул красивой гривой.

«Маленькие чудовища шутя дарят мне задания. Интересно, они сами или наставник приказал? Что это, проверка, не начну ли я трясти перед наставником гривой? А если они сами, то... *на кого* они работают? И какая „легенда“ у них самих? Кого они играют? Детей? Не важно. Важно, что у меня теперь есть на чем стоять, есть за что держаться! Я больше не вишу в пустоте. Я опять знаю, где верх и где низ. Знаю! Знаю! Знаю!»

– *До свидания, доктор. Дай вам бог здоровья!*

– *Спасибо. И вам так же!*

– А теперь во что поиграем? – спросил Джон, которому изрядно надоело быть олбарийским тяжеловозом, особенно рядом с роскошным фалассцем.

– Сейчас узнаете, – ответил Эрик, который вдруг почувствовал себя таким счастливым, что просто не мог немного не поделиться.

У него опять есть все! Все! Земля под ногами, небо над

головой, посох, за который можно держаться! Эти «легенды» – они ненадолго. Вернется наставник, и они растают, разобьются, разлетятся звенящими осколками, не выдержав столкновения с его невероятной мощью. Одной улыбки чудовища достаточно, чтоб этот призрачный детский мир растаял в мгновение ока, но пока он есть... есть... а значит, можно дышать и ловить мгновения счастья.

– Идите сюда, к столу, – позвал он.

Он утащил у наставника из стопки лист бумаги, взял карандаш, которым доктор, верно, записывал что-нибудь медицинское, и по нетронутой белизне бумаги ветром понеслись фаласские кони...

– Это было давно. Фаластымским царством правил тогда один старый тан. И не было у него детей...

Эрик ухватил еще один лист бумаги, и на нем тотчас возник загадочный город с тысячей башен. На самой высокой башне, горестно сгорбившись, стоял старый тан, печалась на свою судьбу.

– А почему у него детей не было? – робким шепотом спросил Джон. – Он жениться забыл, да?

– У него было сто жен, – трагически поведал Эрик. – И ни одного сына...

Еще один лист бумаги, тоненькие большеглазые фаласские красавицы закутались в полупрозрачные шелка. Они были ужасно печальные. Им не удалось выполнить задание.

– Ой... – тихонько выдохнула Кэт. – Какие они все...

– Целых сто, – покачал головой Роджер. – Как же он справлялся?

– Он был могуч и мудр, – поведал Эрик. – Но счастья в жизни у него не было. И ведь ему не на кого было оставить свое царство...

Плакали фаласские красавицы, жены старого тана, плакал и сам старый тан. В Фалассе не стыдятся слез. Ты слаб, если не умеешь плакать.

– И вот тогда во дворец старого тана неведомо откуда явился мудрец, – продолжал Эрик. – У него была такая длинная борода, что сам он уже приветствовал тана, а борода еще не втянулась в ворота города.

На следующем листе бумаги Эрик изобразил потешно перепуганного стражника, который едва не прищемил бороду мудреца в воротах.

Все трое хихикнули.

– Как вы тут? – спросил заглянувший Шарц.

– Подожди, папа, не мешай, – откликнулись дети. Шарц поглядел на свою бумагу для заметок, усмехнулся чему-то и спросил:

– Эрик, в полчаса справишься?

– Конечно, наставник, – ответил тот, пририсовывая дракону самый огромный хвост, который только мог поместиться на очередном листе, не задев ни прекрасную принцессу, ни очаровательного юношу, будущего рыцаря...

– Ну бегите, играйте, – напутствовал наставник своих детей. – Нам с Эриком работать надо.

– А еще сказку?! – нахально потребовала Кэт.

– Вечером, – твердо ответил сэр доктор.

– Ладно, – вздохнула Кэт. – Но вечером обязательно, ладно?

Троица умчалась.

– Ты позволишь? – спросил Шарц, глядя на разбросанные листы.

– Конечно, наставник, – машинально ответил Эрик, приходя в себя, возвращаясь в реальный мир... и мучительно краснея. Боже, с ним опять случилось *это*... Потерять контроль над собой, полностью потерять... забыть про все, не осознавать времени, пространства... не слышать голоса наставника там, за стеной... ничего не соображать. Ничего, кроме этой постыдной и тайной страсти, которая вновь взяла над ним верх. То, с чем так упорно сражался его первый наставник, то, что день за днем, час за часом гасила фаласская храмовая дисциплина, то, что должно было служить исключительно делу, идти на пользу заданию... *оно вновь прорвалось, выплеснулось наружу и захватило власть*. Тайное уродство... неумение владеть собой... вспышка безумия...

– Простите, наставник, – жалко пролепетал он. – Мне...

мне так стыдно. Это... этого больше не повторится.

Шарц оторвал взгляд от рисунков. Восхищенный, потрясенный взгляд. Перевел его на ученика.

– Не понимаю, – молвил он. – За что тебе стыдно?

Эрик молчал.

Не понимает? Он? *Он* не понимает?

– Эрик, у нас есть еще полчаса. До обхода больных. Можно и мне ту же самую сказку? Пожалуйста...

– Можно, – дрогнувшими губами ответил Эрик. Жуткие призраки замка Олдвик черными когтями теней рванули спину.

Вот теперь ему стало ясно все. Абсолютно все. Наставник не вырвет у него сердца. Наставник не станет его жарить и есть. И убивать не станет. Это слишком примитивно. Он приберег для него куда более утонченную казнь. Он позволит его безумию развиваться. Попросил же он тогда, в Марлеции, нарисовать его. Да. Так и будет. Он не станет унижать себя убийством недостойного, пачкать свои руки кровью. Он поступит так, как поступают агенты его ранга. Тонко, умно, изящно. Так, чтобы было чем потом гордиться. Он будет всячески поощрять эту ползучую мерзость, эту отраву мозгов, это лишающее воли безумие. Он будет намекать и просить, подсказывать и требовать... до самого конца. Враг не будет убит, он просто превратится в слабоумного идиота, полностью утратившего контроль над собой, истекающего слюнями, картинками и историями. Зачем о такого руки пачкать?

Он сам умрет.

– Это было давно. Фаластымским царством правил тогда один старый тан. И не было у него детей...

«Чего он так испугался и... застыдился? – раздумывал Шарц. – Не того же, что стопку бумаги изрисовал?»

Впрочем, раздумывал он недолго. Сказка была так хороша, что... Шарц очень любил хорошие сказки. Он до того заслушался, что едва время обхода не прозевал. Впрочем, не прозевал, конечно. Его внутренний лекарь быстро навел порядок.

* * *

– Так, а теперь обход, – встряхнувшись, сказал Шарц. – Пошли, Эрик.

– Да, наставник, – кивнул тот, откладывая карандаш.

Это только так называется – обход. На самом деле они шли пешком только до конюшни.

Лекарь ведь не только в замке надобен. И не только поблизости от него. Когда Шарц назвал все места, в которых ему приходится бывать в качестве лекаря, Эрик удивленно вытаращился.

– И... вы везде успеваете, наставник? – потрясение спросил он.

– Приходится, – ответил Шарц. – Сейчас чуть полегче, несколько очень неплохих лекарей по соседству практикуют.

А раньше...

Он только рукой махнул.

– Когда кто-то оказывается в очень тяжелом состоянии только из-за того, что я не успел... когда кто-то, не надеясь, что я приеду, лечится самостоятельно или доверяет свое здоровье шарлатану... когда я приезжаю лишь для того, чтобы констатировать смерть или поприсутствовать на похоронах... знаешь, больше всего меня мучит то, что никто меня ни разу так и не обвинил... никто не сказал мне, что, если б я приехал раньше...

Шарц вздохнул и поторопил коня.

Эрик невольно сравнил своего нового наставника с прежним.

«Тот потрясающе умел притворяться человеком, этот – неотличим, хоть и не человек вовсе. Во всех смыслах не человек. Такое мастерство... Вот только – зачем? Я же все равно знаю, как оно на самом деле. И ты знаешь, что я знаю... Зачем ты притворяешься передо мной, мастер?»

Кони несли от дома к дому, от болезни к болезни.

От битвы к битве.

– Добрый день, доктор!

– И вам доброго дня!

– Проходите, пожалуйста...

– Идем, Эрик.

Половики и ковры, вытертые половицы и блестящий паркет, роскошное ложе и бедная постель...

– Здравствуйте! Ну, как вы себя сегодня чувствуете? Все еще не очень? Ничего, сейчас мы вас посмотрим, сменим компресс...

Больные перелистывались, как страницы книг. Как переплеты, открывались и закрывались двери.

– Смотри, Эрик, это делается так... а потом вот так... придержи-ка... запомнил натяжение?

– Да, наставник.

– Вот и отлично, – коротко кивнул гном. – Узел.

– Вот так? – осторожно спросил Эрик.

– Чуть крепче. Да. Хорошо.

Когда знаешь, что ищешь, что хочешь заметить, обычно раньше или позже замечаешь. Когда смотришь в глаза человека, зная, что это – чудовище, чутко прислушиваешься к его дыханию, к шороху незримых когтей, ловишь даже самые малейшие движения его тени... если знать, где прячется чудовище, раньше или позже его увидишь. Едва заметные движения рук, губ, выражение лица, внезапный блеск полуприкрытых веками глаз... и вот на короткий миг мелькнула чешуя, блеснула в свете луны и тотчас скрылась...

«Я знаю, что ты чудовище, я так хорошо это знаю, почему же я этого не вижу?!»

Больные перелистывались, как страницы книг. Как переплеты, открывались и закрывались двери. Больные были такими разными, но у них у всех было нечто общее. Они все нуждались в помощи улыбчивого коротышки с решитель-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

«А и большая же у наставника библиотека!»

* * *

«Правильно ли я поступил, когда притащил его сюда?» – думал Шарц, доставая красивую деревянную шкатулку, в которой хранились копии нарисованных Эриком картин. Теперь к ним прибавились новые, нарисованные просто карандашом, но оттого не менее прекрасные.

«Смогу ли я помочь этому несчастному мальчишке или только хуже сделаю?»

«Мне так хочется, чтобы он наконец осознал свой дар. Потому что это неправильно, когда человек, коему богом дано быть потрясающим сказителем и художником, занимается разведыванием чужих секретов. Грешно заставлять копаться в чужих грязных тайнах того, кто может создавать свои бесконечно прекрасные тайны. Создавать и дарить их людям».

«Пока я, похоже, достиг лишь того, что он боится меня пуще всех своих начальников, вместе взятых. Да еще и сумасшедшим считает. Хорошо это или плохо? И что он предпримет, чтобы вернуть то, что у него было отнято? То, что у него отнял я».

«Жаль, что он не понимает, сколько у него было отнято До меня. И уж тем более не поверит, что я хочу ему это вернуть. Я разрушил его жизнь, он видит лишь это...»

«Как бы ему объяснить, что я ломаю кости лишь потому, что они криво срослись после первого перелома, и лишь затем, чтоб наложить лубки и срастить их вновь, уже правильно?»

«Знаю ли я сам, как правильно? Ох, я бы хотел верить в это!»

«Странно, что он так стыдится своих картин и сказок. Он, конечно, может и не знать, насколько они хороши. Но не может же быть, чтобы ему внушили, будто его дарование – это нечто постыдное! Бред. Ни одна сволочь не могла... А если все-таки... если все-таки такая сволочь нашлась... что ж, мне придется кого-то убить. Медленно и с особой жестокостью. Чтоб другим неповадно было».

«Поговорить бы с ним по душам. Честно. Откровенно...»

Вот только он вряд ли поверит, что такое возможно.

«Или... просто не трогать его. Пусть живет, на лекаря учится... Олдвик такое замечательное место, в нем так много по-настоящему хороших людей... вряд ли есть лучшее лекарство, чем хорошие люди. Правда, действует оно медленно, зато наверняка».

– Полли, как ты думаешь, ничего, если Эрик поселится рядом с нами.?

– Рядом с нами? – переспросила Полли, отрываясь от прекрасного рыцаря на вздыбленном коне, которого она вышила вот уже вторую неделю, скопировав его с картинки Эрика.

– В соседней комнате, – кивнул Шарц.

– А твоя библиотека? – удивилась Полли.

– Пока переедет в пристройку при докторской.

«Чем только не приходится жертвовать! Даже вот книги. Никогда бы не подумал, что решусь на такое. Мои любимые... обожаемые... после жены и детей самые-самые... я не кладу их под подушку только потому, что Полли ругается, и потому что их слишком много, чтобы под ней поместиться... Но попытка врачевания душевных ран одного несчастного лазутчика не должна подвергать опасности окружающих. Ни в чем не повинных, неосведомленных окружающих. То, что этот тощий растерянный юноша в свои восемнадцать выглядит на пятнадцать, кого угодно введет в заблуждение, а ведь он способен в считанные мгновения лишить жизни какого-нибудь опытного воина, да так, что тот даже и понять не успеет, что же с ним случилось».

Шарц вздохнул.

– Я думаю, это великолепная идея, – улыбнулась Полли.

– Именно великолепная? – усмехнулся Шарц.

– А разве у моего мужа бывают другие?

* * *

«Один день, а какие перемены...» – думал Эрик.

Он уже не ночует в мастерской, ему отвели комнату рядом со спальней самого Шарца. Что ж, на месте наставника он бы

с собой поступил именно так. Всегда под рукой – раз, всегда под контролем – два.

Эрик вошел в свою комнату и закрыл дверь.

Да уж, такой богато обставленной комнаты у него никогда не было. Потрясающий камин, весь изукрашенный, как у знатного лорда. Два кресла возле него. Это, верно, чтоб с наставником посиживать, важным наставлениям внимая. Удобный стол. Стул. На столе стопка чистой бумаги, перо и чернильница. Узкое, но удобное ложе – это вам не циновка в храмовой келье. Одеяло, подушки... У него даже ковер на полу есть. Эрик подавил глупое детское желание плюхнуться на ковер и всласть по нему покататься.

«Ученик лекаря должен держаться солиднее».

Не успел Эрик как следует освоиться с внезапно свалившимся на него богатством, как все семейство почтенного доктора пожаловало на вечернюю сказку. С рисунками, а как же иначе?

– Сказка-сказка-сказка! – радостно верещала Кэт.

Сэр доктор зажег аж две масляные лампы, чтобы все-все было видно, а леди Полли принесла разных вкусностей для рассказчика.

– Джон, как тебе не стыдно, ты уже получил свою долю! – возмущенно сказала она сыну, попытавшемуся утащить с подноса пирожное.

– Я все равно не смогу есть и рассказывать, – улыбнулся Эрик. – Пусть мне оставят вон то пирожное, если можно.

– Ура! – возликовал Джон, совершая стремительный фланговый прорыв и нависая над лакомствами, словно справедливое возмездие над злоумышленниками.

– Одно-единственное? – возмутилась леди Полли. – А все остальное достанется этим маленьким чудовищам?

– Ура! Мы чудовища! – развеселилась Кэт. – Чур, мне вон то! Р-р-р! Я ужасный призрак этого замка!

– А призраки не едят пирожных! – обрадовался Джон.

– А вот и едят! – возмутилась Кэт. – Сначала пирожные, потом глупых дурацких братьев!

– Ну-ка, тихо! – шикнул на них Роджер. – Взяли оба по пирожному и заткнулись. Вы Эрику еще за ту, первую, сказку спасибо не сказали, а теперь пирожные отбираете!

– Спасибо, – в один голос сказали Джон и Кэт, вгрызаясь в сладости.

– Да пожалуйста, – улыбнулся Эрик.

Подумаешь, пирожные. В Храме он зачастую ничего, кроме сушеной саранчи, не видел...

«Ты теперь так и будешь этот Храм без конца вспоминать? Научился ведь уже на подушке спать? Вот и пирожные трескать научишься».

– Ладно, дети, цыц! – скомандовала леди Полли.

– Эрик, мы тебя слушаем, – промолвил наставник. И сказка началась.

Это тогда, днем, в мастерской, фаласские горячие скакуны сотрясали золотистую степь, а старый тан получал неожи-

данную волшебную помощь. Сейчас был вечер, а вечером все по-другому... Фаласских скакунов сменили ледгундские гномы. Не было ледгундских гномов? Вот еще! Да как же не было, когда вот они, смотрите, какие бородатые! Каких нарисовал, такие и были. Вот-вот. Как они себе на бороды не наступали? А это особое такое гномское искусство. Тут с детства тренироваться надо, иначе ничего не выйдет. А сколько всего интересного у них тогда было! И гномские заговоренные молоты! И зачарованные наковальни! А вот и Совет старейшин, как и положено... Почему они друг друга за бороды держат? Так ведь старенькие уже. В таком почтенном возрасте, если ни за что не держаться, упадешь обязательно. Вот они друг за друга таким способом и держатся. Да. Такие вот гномы. И вот когда главный вождь гномьего клана Серебряная Секира...

Ужасные драконы и сказочные сокровища рисовались сами собой. История возникала на ходу, не слишком заботясь о том, куда двинуться дальше, как вышедшая из берегов река меньше всего заботится о том, куда кинуть новое русло. Оно образуется само, там, где нравится течь воде.

Получившее власть безумие плясало так, как ему хотелось. Получившее власть безумие было таким приятным... От него было так хорошо, что просто не хотелось верить, что оно – безумие, что все это – зло. Слова легко цеплялись друг за друга, из-под пальцев сами собой выстреливали фантастические гномьи пещеры, драконы и сокровища сменяли друг

друга в феерическом танце, и над всем этим царил главный герой. Смелый и справедливый, добрый и мудрый...

Когда Серебряная Секира отыскал Затерянный Рудник, расколдовал Запретный Город, убил самого ужасного из всех драконов и в награду получил любовь прекрасной гномки, наставник вновь попросил повторить ту, первую, сказку.

– Леди Полли еще не слышала, – извиняющимся тоном проговорил он.

– Это было давно, – с улыбкой откликнулся Эрик, и по листу бумаги вновь побежали фаласские кони.

Когда сказка подошла к концу и наставник с семейством удалился, пожелав доброй ночи и выразив искреннюю благодарность, Эрик проверил, на месте ли нож, который ему удалось утащить с кухни. Нож был не слишком хорош, но... случалось ему работать и более скверным оружием.

«Взрослый человек, а ведешь себя как маленький? Можно и по-другому, наставник...»

Кто-то внутри недовольно ворочался и бурчал. Кажется, ему не совсем нравилась последняя идея.

Совсем не нравилась.

Но если очень хочешь остаться в живых и не сойти с ума... если само существование этого чудовища разрушает тебя как личность... если все сильнее и сильнее хочется поверить, что он настоящий... рухнуть перед ним на колени и, рыдая в голос, рассказать ему все... говорить и говорить, захлебываясь искренностью и слезами... до самого последне-

го предела, когда слов уже не остается, когда их уже просто недостаточно... тогда все-таки проще поступить по-другому. Ибо «нет чудовища, нет и проблемы», верно?

* * *

Тихо, нежно, тоненько поют угли в камине. Сквозь большое окно в спальню смотрят звезды. Окно в этой спальне никогда не завешивается шторами. Бывший петрийский лазутчик навсегда сохранил свою первую искреннюю любовь, любовь к звездам. Ему хочется смотреть на них всегда, когда это только возможно. А когда он спит или еще чем другим приятным занят, чем нормальные семейные люди и гномы в спальнях-то занимаются, – что ж, тогда пусть звезды на него смотрят.

– Милый, не кажется ли тебе, что двух побед на нашем маленьком рыцарском турнире на сегодня вполне достаточно? – с улыбкой шепнула леди Полли, ускользая от очередных объятий своего супруга. – У тебя завтра с утра больные, а мне с Ее Светлостью в город ехать...

– И то правда, – шепнул в ответ сэр Хьюго. – Давай я тебя поцелую... но только нежно... и долго... и страстно... и будем спать.

– Нет уж, – хихикнула Полли. – Если ты меня поцелуешь так, как грозишься, тогда нам, пожалуй что, и до утра не уснуть. Ее Светлость, положим, простит мне круги под гла-

зами, а вот по отношению к твоим больным это будет просто нечестно.

– Ага, – жалобно вздохнул Шарц. – И я так и останусь непоцелованный...

– Не грусти, бедняжка, я тебя поцелую, – утешила Полли. И тотчас сдержала свое обещание.

– Спи, сэр доктор...

– Сплю, – выдохнул он, зевая так, что мог бы при желании подушку проглотить.

Шарц старательно изображал спящего, прислушиваясь к дыханию жены. Когда оно стало ровным и легким, он бесшумно сел. Перекликались часовые на стенах замка, потрескивая, догорали последние угольки в камине, Полли спала, положив ладошку под щеку и улыбаясь во сне. Поборов желание обнять ее, Шарц свесил ноги с кровати, и... Полли открыла глаза.

– Будь осторожен, любимый, – сказала она.

«Вот так вот, сэр лучший петрийский лазутчик! Не обмануть вам жену! Ни одного разу не обмануть! Ни единого разочка!»

– Так ты знаешь, *куда* я собрался? – потрясенно выдохнул Шарц.

– Твои ученики жили в гостевых комнатах, в комнатах прислуги, помнится, один даже в караулке для стражников ночевал, пока ему место не нашли, – ответила Полли. – Эрика ты на вторую же ночь забрал к нам. В соседней ком-

нате положил. Пожертвовал своей персональной библиотекой, над которой так трясешься, все книги стащил в докторскую...

Шарц вздохнул.

«Нет, вот если кого и нужно было делать лазутчиком...»

– ...а значит, он такой же лазутчик, как и ты, любимый.

И ты хочешь за ним присматривать, чтоб чего не вышло, – продолжила Полли. – Это первое. Второе: если бы кто-то был болен и ему требовалась помощь, ты собирался бы открыто. И я в жизни не поверю, что ты тайком от меня стал бы пробираться к какой-то другой женщине. А ты – пробираешься. Тайком. Значит, ты идешь к нему. Я не знаю, зачем это тебе. Но... наверное, так надо, раз ты это делаешь. Вот я и прошу тебя: будь осторожен, любимый...

– Буду, – пообещал Шарц. – А ты спи, любимая. Все будет хорошо, я тебе обещаю...

Он наклонился и поцеловал ее. Она улыбнулась, закрыла глаза и повернулась на другой бок. Вздохнула тихонько. Он постоял еще мгновение и вышел, тихо прикрыв дверь.

В соседней комнате Эрик привычным движением сунул нож в рукав и лег на застеленную постель.

* * *

– Не спишь? – входя, спросил Шарц.

– Нет, наставник, – спокойно ответил Эрик.

«Ты знаешь, что я не сплю. Знаешь. Тебе известно даже, что я все слышал. И как вы с женой любовью занимались, и как потом обо мне беседовали... все я слышал. Ты страшный человек, наставник. Очень страшный. Послушать тебя – и начинаешь верить, что ты и в самом деле ее любишь... ее, меня, своих пациентов, всех остальных, вот только это не так. Такие, как ты, не умеют любить».

«Я надеюсь, что ты не знаешь, что у меня нож в рукаве. Я *очень* на это надеюсь...»

– Правильно делаешь, что не спишь, – сказал Шарц. – Поднимайся, и пойдём.

– Куда? – спросил Эрик, послушно вставая.

– Как куда? Гулять, конечно, – усмехнулся Шарц. – Ночь – лучшее время для бесед и наставлений. Наставник я или нет, в конце-то концов?

«Вот оно», – подумал Эрик. И нож в рукаве сделался теплым и тяжелым. Куда теплее и тяжелее, чем до того.

«Если бы я мог... если бы я мог поверить, что ты и в самом деле живой... что ты настоящий... что ты есть... что вся эта реальность вокруг меня не рассыплется вдруг на бессмысленные осколки... *Здесь нет ничего настоящего, Эрик. Все, что притворяется белым и пушистым, на самом деле тусклое и острое. Или бесполезное*».

– Ну, пошли, – сказал наставник, открывая дверь. – Сейчас только оденемся потеплее...

Лестница уютно поскрипывала под ногами. Как кошка

мурлыкала. Лестница была настоящей, но от этого было только грустнее.

«Если бы я мог...»

* * *

Едва за двумя бывшими лазутчиками тихо закрылась уличная дверь, Полли встала. На ощупь нашла трут, огниво и кремень, зажгла свечу и опустилась на колени. Она будет молиться, пока не услышит тихий скрип входной двери и шаги мужа вверх по лестнице. Тогда она поблагодарит боженьку и всех святых заступников, погасит свечу и быстро-быстро юркнет в постель.

Он, конечно, поймет, что она делала. Он всегда все понимает. Но ведь поэтому она за него и молится. За это и любит. Он понимает ее, она – его. Нельзя любить того, кого не понимаешь. Можно понимать кого-то и ненавидеть, а вот не понимать и любить нельзя. Тем, кого не понимаешь, можно восхищаться, это другое. А любовь... любовь требует понимания с той же силой, с какой дети и больные требуют заботы.

* * *

Это хорошо, что наставник такой низенький. Ударить в

основание черепа будет легко. Легко и наверняка. Повернуться и ответить наставник уже не успеет.

Именно так он убил двух жрецов в фаласском Храме. Первый беспечно повернулся спиной к тщедушному юнцу. Он так ничего и не понял. Осталось испуганно позвать второго. Второй в ужасе уставился на мертвое тело. Шаг за спину. Короткий взмах рукой. Еще один удар в основание черепа...

Так все и будет.

Еще несколько шагов по скрипящему снегу... тропа здесь узкая, наставник идет впереди так беспечно, словно за спиной у него и вовсе никого нет...

Еще несколько шагов по скрипящему снегу... заученный взмах, удар... то, с чем не справились две разведки, то, что показалось невозможным, свершится сегодня? Это даже странно, что все так просто...

Еще несколько шагов по скрипящему снегу...

«Ты же всемогущий... ты же чудовище... ну так останови меня... предвосхити...»

Короткий замах, и рука пошла вниз, неотвратимо вниз. За миг до удара Шарц вдруг задрал голову, уставившись на что-то в ночном небе, и нож, направленный точно в основание черепа, безвредно скользнул по широкой и твердой затылочной кости гнома. Гномья голова странно, противоестественно дернулась – кисть и пальцы, сжимавшие нож, свело жуткой болью. Эрик все-таки удержал оружие. Что толку! Противно щелкнув, лезвие сломалось у самой рукояти.

Эрик уронил бесполезный обломок, с ужасом глядя в спину наставника. Вот сейчас он повернется и...

– Эрик, ты только посмотри, какие сегодня звезды! – негромко воскликнул гном, продолжая таращиться в небо.

В его голосе прозвучало такое восхищение, такая неодолимая властная сила, что Эрик, позабыв обо всем – о том, что он натворил, о том, что с ним сейчас что-то будет, и вряд ли хорошее, – посмотрел в небо. Туда, где его ждали совершенно невероятные звезды. Виденные тысячу раз, такие же, как всегда... да что там, он в Фалассе и покрупней видал! И все-таки не такие. Совсем-совсем другие, небывалые. Прекрасные как никогда... Ведь их окрашивало восхищение учителя.

– Нигде в Олбарии больше нет таких звезд! – сказал Шарц. – Только здесь. Я проверял.

– Да, наставник... – заворуженно отозвался Эрик и тотчас опомнился.

Таращась эдак в небо, он представлял собой идеальную мишень для атаки. Для атаки в любую точку тела. Лучше и не придумаешь. Вот сейчас... сейчас... сейчас последует возмездие... не может не последовать. Мелькнуло запоздалое сожаление, что наставник взял его на такую вот примитивную хитрость. Это не делало чести ни ему, так глупо попавшемуся, ни наставнику... зачем великому мастеру столь мелкие хитрости, чтоб одолеть всего лишь какого-то ученика? Тело судорожно дернулось, совершая привычные с детства

движения, прикрывая наиболее уязвимые места, необходимые для дальнейшего выполнения задания.

«Никакого задания нет!» – одернул себя бывший ледгундский лазутчик, а ныне – ученик лекаря, поднявший руку на своего учителя.

«Никакого задания нет...» – от этой ледяным лезвием промелькнувшей мысли стало совсем пусто. Нет никакого задания. Совсем нет. И жить дальше незачем. И прикрывать наиболее уязвимые места – незачем. Они не нужны, ведь и сам ты больше не нужен. Незачем... незачем... незачем... Ты выполнил свое предназначение. Ты – мертв.

– Потрясающие звезды, – промолвил учитель, все еще не оборачиваясь, и тем же тоном спросил: – Нож на кухне украл?

– Да... наставник... – помертвевшими губами ответил Эрик.

«Вот и все. Звезды звездами, а...»

– Зря. Нужно было взять один из моих скальпелей. Для такого удара они подошли бы намного лучше.

У Эрика отвисла челюсть. Чего угодно он мог ожидать, но такого ответа...

И проклятый гном все еще стоял к нему спиной! Это было... унижительно. Так, словно гном совсем ничего не опасался, словно за его спиной не стоял один из лучших агентов ледгундской секретной службы... ну и что, что бывший? Агенты «бывшими» не бывают!

«Он просто не хочет меня пугать!» – внезапно понял Эрик.

– Все никак не могу уговорить замкового эконома покупать для кухни нормальные гномские ножи, – пожаловался учитель, наконец поворачиваясь. – Дорого ему, видите ли... да к тому же поварята пальчики порезать могут. И ведь говорил я ему, что гномы давно наловчились делать ножи необходимой людям остроты, да все без толку. Как брал у одного здешнего кузнеца, так и берет. А ими ни морковь толком почистить, ни человека заколоть... Безобразие, одним словом!

Эрик, вытаращив глаза, пялился на учителя, которого только что пытался убить.

– Одним словом, ты применил негодное оружие, Эрик, – добавил гном. – Я уж не говорю о том, что этот кусок ржавчины завтра может кому-нибудь понадобится на кухне.

Эрик молчал. Он просто не знал, что можно на такое ответить. Каждая последующая реплика учителя сбивала с толку все сильнее и сильнее. Да что ж это такое делается? Он что, вообще ничего всерьез не принимает? Я его убиваю, а он мне выговаривает, что я неправильно это делаю?! Оружие, видите ли, негодное! А было бы годное, он что, остался бы доволен?! Поблагодарил бы меня за правильно проведенный прием и умер?! Единственное, что его, видите ли, беспокоит, – это что на кухне завтра ножа не хватит!

Когда Эрику уже стало казаться, что больше его ничем

не шокировать, очередная реплика Шарца ввергла юношу в состояние, близкое к трансу.

– Хорошо, что я взял с собой свою медицинскую сумку, – сказал Шарц. – Еще лучше, что я научил тебя простейшим приемам оказания первой помощи. Вот сейчас на мне и отработаешь. А то, знаешь ли, неприятно, когда кровь течет за шиворот. Да и от жены нахлобучка выйдет за испорченную одежду. Так что давай, потрудишься.

Уставившись на учителя с почти суеверным ужасом, Эрик принял от него медицинскую сумку и деревянными от изумления пальцами начал в ней рыться.

– Хорошо, что луна сильная, – говорил меж тем учитель. – Света будет достаточно. Впрочем, такой, как ты, должен уметь действовать и вовсе с закрытыми глазами...

Проговорив все это, Шарц преспокойно повернулся к нему спиной.

– Да, наставник, – покорно согласился Эрик.

Ему и в самом деле нетрудно. И с закрытыми глазами... и вовсе без глаз. И совсем не Шарц впервые научил его останавливать кровь. Он хоть и не лекарь, как этот сумасшедший гном, но знает немало. Его хорошо готовили. Наставник бы удивился, наверное, но...

Но разве *в этом* дело?! Разве дело в том, что сейчас луна и нетрудно будет оказать эту самую первую помощь, будь она проклята!

Дать ему в руки медицинскую сумку... *всю* медицинскую

сумку!!! Где тех самых скальпелей полным-полно... и после всего, что случилось, вновь спокойно подставить затылок!

Эрик чуть не закричал от отчаяния и непонимания. Ему хотелось ударить проклятого гнома. Вот просто изо всех сил и от души ударить. Кулаком. По носу. Рука сама собой коснулась скальпеля. Глаза нашли необходимую точку. *Хорошо, что луна сильная. Света будет достаточно...* Эрик задержал дыхание... проглотил трудный комок... и стал оказывать простейшую первую помощь.

– Молодец! – похвалил гном, и Эрик вздрогнул всем телом.

«Он знал! Знал! Знал!»

«Сволочь! Зараза! Гад!»

– Между прочим, я мог бы и не подставляться, – продолжило это невероятное чудовище. – Просто мне захотелось проверить сразу и твою боевую подготовку, и умение оказывать первую помощь заодно. Понимаю, что тебя всему этому когда-то учили, но, увы... нахожу твои умения недостаточными. Что касается боевой подготовки – ты выбрал неверное оружие, неверное место для атаки и неверный объект для нападения. Снег под твоей ногой скрипнул слишком сильно для обычного шага. Твое дыхание слегка сбилось. Ты должен был действовать или гораздо быстрее, или куда тише. Мне ничего не стоило, слегка дернув головой, лишить тебя твоего оружия. Не будь оно столь удручающе плохим, ты рисковал бы своими пальцами. Ну а что касается умения оказывать

первую помощь... я распинаюсь уже достаточно долго, а ты все еще возишься...

– Да, наставник, – вздохнул Эрик, заканчивая перевязку.

Я никогда не убивал на снегу, меня не учили убивать гномов, меня и вообще учили другому... меня не учили возражать учителю!

Эрик молчал, стиснув зубы и старательно дыша носом, все равно он не знал, что тут можно сказать, разве только завопить в голос. Вот только зачем? Разве это что-то решает? Разве это чему-то поможет?

– Когда мы вернемся обратно, я дам тебе другой нож. Хороший, гномский, – сказал Шарц.

«И предложишь попробовать еще раз, да?!» – истерически хихикнул кто-то внутри Эрика.

– Отнесешь его на кухню, – продолжил Шарц. – Тайком, разумеется. Никто ни о чем не должен узнать. Кстати, у меня появилась мысль: что, если мы украдем у них все плохие ножи и взамен положим хорошие? Надо обдумать...

«Мой учитель – сумасшедший!» – в очередной раз подумал Эрик.

Он старался не думать о том, куда они могут идти ночью, увязая по колено в снегу... замковой страже наставник просто небрежно бросил: по делу! И все тут. Ворота открылись. У лекаря ведь и днем, и ночью дела, это всякий знает. Какие еще вопросы? А уж у такого лекаря, как сэр Хьюго Одделл... которого сам герцог другом называет... которого замковая

стража просто обожает... они просто не понимают, кто он такой, вот и обожают... уж если я сам готов... если я самому себе должен постоянно напоминать, что он такое на самом деле...

«А ты сам-то уверен, что понимаешь, Эрик? Правда уверен?»

«Неправда, – сам себе отвечает Эрик. – Ни в чем я не уверен. Именно поэтому мне и страшно».

«Если мне когда-нибудь все же приснится кошмар, это будешь ты, учитель...»

«Если я, конечно, переживу эту ночь... А за это никто не может поручиться... ты ведь не обещал мне этого, учитель... ты ничего не сказал мне о том, переживу ли я твои наставления...»

– Ну вот мы и пришли, – беспечно объявил Шарц, и Эрик вздрогнул.

– Да, наставник, – чуть слышно промолвил он.

– Сейчас я разожгу огонь, – пообещал гном, нагибаясь над сугробом.

«Нет, я не такой идиот, чтобы попытаться проделать все еще раз!» – в панике подумал Эрик, делая шаг в сторону.

Шарц заметил и насмешливо на него покосился. Но ничего не сказал. И на том спасибо.

В сугробе оказались сухие дрова, аккуратно завернутые в кусок мешковины. Сложить костер и разжечь огонь для наставника оказалось делом одного мгновения.

«Он заранее тут все приготовил. Знал, что понадобится. Что же он такое все-таки задумал?»

Эрик не знал ответа. Он мог только ждать, положившись на судьбу. Или напасть на учителя еще раз. Вот только... даже тот, первый раз был бессмысленным. Ошибочным. А ведь тогда наставник не мог знать. Теперь же... Да нет, что это я... он и в тот, первый раз все-все знал... «Нож на кухне украл?» Он не мог видеть, *чем* я его ударил, и все-таки знал это... Глупо нападать. Глупо не нападать. Стоять, ждать невесть чего, уйти прочь, сбежать к чертям – все глупо. Даже умереть и то глупо. Что делать, когда нет *никаких* правильных решений?

«Если нет никаких правильных решений, значит, я неверно сформулировал задачу. Значит, ошибка в самом условии. Вот только где? Не может же быть, чтобы...»

Языки огня радостно плясали на морозном воздухе. Из небесных глубин безразлично смотрели столь почитаемые наставником звезды. Длинные тени лежали на белом снегу.

– Эрик, – сказал наставник. – Я хочу посмотреть, как ты убиваешь.

Бывший ледгундский лазутчик поднял на своего учителя недоверчивый взгляд.

– Плохо, наставник, – мрачно ответил он. – Вы уже могли в этом убедиться. Или вы решили, что я шутил?

«Как ты убиваешь», надо же! Посмотреть ему захотелось! Кроме них двоих, здесь никого нет, а убить учителя он уже

пробовал. Так что же от него требуется? Зарезаться самому? Сломанным кухонным ножом? Да нет, наставник бы тогда так и сказал, но... наставник сказал совсем другое. Так кого требуется убить здесь, где никого больше нет? Или... ему нужны способы, приемы, секретные техники ледгундской школы лазутчиков?

– Мне не нужны способы, приемы и секретные техники ледгундских лазутчиков, Эрик, – сказал гном.

«Вот гад, опять мысли читает! Это, верно, какая-нибудь ихняя гномская техника!»

– Я просто хочу посмотреть, *как это делаешь ты*, – добавил Шарц.

– А зачем? – спросил Эрик.

Глаза наставника – такие обманчиво-мирные, человеку с такими глазами хочется верить. Человеку с такими глазами нельзя верить. Даже если он гном. Человека с такими глазами нужно побыстрее убить.

– Я должен знать, *что* ты умеешь, чтобы не делать ошибок, продолжая твое обучение, – сказал Шарц. – Я должен видеть, *как* ты это умеешь.

– Я понимаю, но... – пробормотал Эрик.

Да, его предали, продали, обменяли на вещь... словно другую такую же вещь! Вот только он – не вещь. И вторая клятва не отменяет первой.

– Когда я сказал, что мне не нужны способы, приемы и секретные техники ледгундской школы, я имел в виду, что

уже знаю их, – промолвил наставник. – И раз ты не хочешь ничего мне показывать, придется мне начать самому.

Он быстро скинул теплый кафтан, и его тень стремительно заплясала на белом снегу.

– Кто-то нас предал, – одними губами прошелестел Эрик.

– Кто-то вас предал, – останавливаясь посреди молниеносного разворота, сказал Шарц. Он так и замер, словно застыл в стремительном движении. Его левая рука окаменела, сжавшись на горле незримого врага.

– Учитель, отпустите его, он уже умер, – потрясенный столь ярким видением, выдавил из себя Эрик.

Шарц с легким удивлением воззрился на свою руку.

– Действительно... уже умер, – констатировал он. Рука разжалась, и незримый труп беззвучно упал на снег. Эрик, будто зачарованный, проводил его взглядом. – Впрочем, сейчас проверим. – Наставник присел рядом с трупом, взял его невидимую руку и попытался нащупать пульс. – Да. И в самом деле умер, – наконец сказал он. Пальцы разжались, призрачная мертвая рука упала на снег.

Эрик шумно выдохнул и помотал головой, стремясь рассеять видение мертвого тела. И наткнулся на внимательно изучающие его глаза Шарца. Смешался, опустил взгляд.

– Так вот, – продолжил наставник. – Кто-то вас предал, и было это давно. Эта техника среди прочих входила в мою подготовку. А теперь смотри дальше, этого не видел никто из людей, а если и видел, то обычно в последний раз, перед

смертью. Этот тайный стиль ведения боя когда-то назывался «сердцем камня», и если бы ты побольше знал о гномах, то смекнул бы, что это может значить.

То, что показывал наставник, было... непривычным, чуждым... завораживающим и красивым... непонятым... или нет, понятным. Вот только... если все это действительно работает так, как выглядит... есть ли от этого хоть какая-то защита?

– Я тоже должен умереть, раз я это увидел? – безразлично спросил Эрик.

– Ты?! – удивился Шарц. – Ты должен это освоить И передать своим детям и внукам! Потом можешь умирать. Разрешаю.

«Детям и внукам? Да ты никак врешь, наставник? Ведь не может же быть, чтобы... или все-таки...»

– Ну, что тебе еще показать? – спросил наставник. – Олбарийскую школу? Марлецийскую? Фаласскую?

– Столько сразу я не запомню, – запротестовал Эрик.

– И не освоишь, – кивнул Шарц. – На один «алмазный кулак» у нас с тобой уйдет с полгода, а то и год, если все как следует делать. А кое-как гномы никогда не делают.

– Я понял, наставник, – промолвил Эрик. – Я не совершу предательства, показав вам то, что вы и без меня знаете.

– Давай, Эрик. – Шарц поднял со снега кафтан и, отряхнув, надел его.

Сбросив свой кафтан, Эрик встал в основную стойку. И

хотя вокруг был снег, ночь глядела звездами, бросал жаркие багровые блики зажженный наставником костер – под ногами словно бы вновь оказались теплые вытертые доски маленького тренировочного зала, где когда-то давным-давно, тысячу лет назад, его рука впервые провела кинжалом незримую черту, перечеркивая чье-то чужое дыхание, обрывая жизнь...

Пространства не было, а время... время текло вспять. Грохотало могучей весенней рекой, ломающей лед.

Он нападал и защищался, атаковал и переходил к обороне, дразнил противника ложными слабостями своей защиты, искушал притворными ошибками, изводил хитроумными выпадами, а потом завершал дело стремительной атакой из какого-нибудь сложного положения. Он был словно клинок в умелых, опытных руках. Это ничего, что те руки в конце концов его продали. Ведь это было потом. Позже. А сейчас, когда никакого «потом» еще нет, легкое серебристое пламя смерти пляшет среди пустоты, и его незримые противники погибают один за другим.

Один... другой... третий... незримые трупы валялись под ноги, главное – не забывать их перешагивать, а то ведь споткнешься и вражья сталь найдет твое сердце. Впрочем, это ведь невозможно – споткнуться. Никто не учил тебя спотыкаться. Ты просто не знаешь, как это делается...

Так было до тех пор, пока он не представил своим противником проклятого гнома, своего нового учителя. Он так

и не понял, как тот оказался у его левого локтя – так внезапно, так невозможно близко. Он шатнулся прочь, выгибаясь в невероятном движении, силясь уберечься от неминуемого удара, но чудовищный гном был уже там, куда рвалось в жажде спасения тело. Плечо занемело от жуткого удара о незримую вражескую плоть.

– Остановись! – тотчас велел голос Шарца.

– Да, наставник. – Эрик покорно замер, вернувшись в основную стойку.

– Это ты меня противником представил? – спросил наставник.

– Да, наставник. – Боль мало-помалу утекала, ведь ее в не было на самом-то деле.

– У тебя потрясающая память, Эрик, – промолвил наставник. – Я тебе потом покажу способы защиты от этого стиля ведения боя. Пока хватит. Надевай кафтан, замерзнешь. Сейчас моя очередь показывать.

– Да, наставник... – в очередной раз пробормотал Эрик, натягивая одежду.

Гном вновь скинул уже побывавший на снегу кафтан и замер неподвижно. Он простоял так довольно долго. То ли ожидал чего-то, то ли к чему-то прислушивался. Эрик уже начал было недоумевать, когда Шарц внезапно рванул с места и подхватил падающего человека. Видение было таким ярким, что Эрик даже разглядел рыжие волосы этого незримого бедолаги. Незнакомец скрючился от боли, на лбу его

выступили капли пота. Шарц вдвоем еще с кем-то («Да это же я, я ему помогаю!» – вдруг озарило Эрика) поднял больного на стол. В руках его щелкнули ножницы, разрезая одежду. Блеснули склянки с медицинскими препаратами и эликсирами. Движения наставника, быстрые и плавные... обезболивающий эликсир... снотворный... Больной расслабился, закрыв глаза; Эрик почувствовал свою руку на его пульсе, губы больного медленно бормотали молитву о ниспослании помощи страждущим и болящим... все медленнее и медленнее... медленнее и медленнее... наконец он заснул. И тогда в руках Шарца маленькой молнией сверкнул скальпель. Скальпель коснулся кожи, и та открылась. Распахнулась навстречу спасению. Эрик затаил дыхание, словно губка, впитывая движение за движением. Такие простые. Такие невозможно прекрасные.

Смерть мрачно глядела из открытой раны. Она не собиралась сдаваться. Она отрастила чудовищные жвала, щупальца и клешни. Она встала в боевую стойку и сделала первый выпад. Умелые руки врача встретили ее холодным блеском скальпеля. Смерть заплела в фантастических пируэтах тысячу своих конечностей, оскалила тысячу зубастых пастей и прыгнула сразу со всех сторон. Но лекарь встретил ее с яростным спокойствием и терпеливой отвагой. И ей пришлось отступить. Пядь за пядью она сдавала свои позиции. Все ее контратаки оказались бесплодны, все поползновения тотчас пресекались. Наконец ее загнали в угол и немедленно

ампутировали. Ледяной высверк склянки с обеззараживающим эликсиром... Незримую лекарскую сумку покинули иглы с нитками. Шарц начал шить. Вдох, выдох, языки костра на краю восприятия, еще вдох...

Шарц вытер блестящее от пота лицо окровавленной ладонью и улыбнулся.

– Он... будет жить? – жарко прошептал Эрик.

– Обязательно, – устало ответил учитель.

И тогда Эрик вдруг разрыдался. Он и сам не мог понять, отчего плачет, но и остановиться он тоже не мог.

– Ну-ну... – Рука учителя ласково похлопала по плечу, и Эрик не выдержал. Уткнувшись Шарцу куда-то в макушку, он дал волю слезам.

– У него рыжие волосы, учитель... – давясь слезами, шептал он. – Рыжие, понимаешь?! И лицо... ему больно было... На самом деле больно! *У тех, кого я убивал, не было никаких лиц!* И волос не было! Никогда не было! Никогда! То есть они, конечно, были, это я, дурак, думал, что их нет! А они были! Были! Я убивал людей с волосами, с лицами... я и тебя убить пытался... дурак я!

Он замолк, внезапно сообразив, что кричит. Громко, в голос, совершенно не думая о том, что его могут услышать.

«Один волос тебе до безумия остался, один волос... – сказал некто в глубине его сути. – Этот проклятый гном заставил тебя все забыть. Все навыки, все умения. Ты рыдаешь и орешь, как истеричный мальчишка! Осталось совсем немно-

го – научиться пускать слюни и молоть всякую чушь».

«Почему же я вижу цвет волос больного, которого он лечит, даже если этого больного и вовсе не существует? Почему я чувствую эту несуществующую боль? – сам с собой заспорил Эрик. – Почему я никогда не видел лиц тех, кого убивал? Не видел, даже если это происходило на самом деле? Почему им никогда не было больно? Почему я не чувствовал этой боли?!»

«Проклятый гном хитер, – послышался ответ. – Кто знает, какие цели он на самом деле преследует? А ты раскис, растаял... еще поцелуйся с ним, размазня!»

Ледяное спокойствие затопило Эрика. Он отодвинулся от наставника и медленно-медленно выдохнул.

– Простите меня, наставник, – сухо промолвил он. – Я виноват. Этого больше не повторится.

Наставник смотрел на него хитрыми глазами и молчал.

– Что? Человечек покою не дает? – вдруг спросил он и подмигнул.

Эрик чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Ка-какой человечек?! – растерянно выдохнул он.

– У каждого из нас, что у меня, что у тебя, в голове сидит ма-а-аленький такой человечек. – Шарц пальцами показал, насколько маленький. – Не знаю, как ты зовешь своего, а я своего зову попросту – лазутчик. Или – петрийский шпион. Как у меня настроение выпадет, так и зову. Они – это все, чему нас наши наставники научили, а также все, что в про-

цессе этой работы усвоили мы сами. Они – это очень большая наша часть. Подчас слишком большая. Ну а им самим кажется, что они – это и все, что в нас есть. А остального просто не существует. Или оно лишнее, и его убрать следует. И вот мой человечек прямо-таки слышит, как твой говорит тебе: «Не доверяй этому проходимцу гному, он нарочно все это с тобой делает, а потом все равно предаст и бросит на корм псам!»

Эрик замер. Застыл с открытым ртом.

– Твой человечек не дает тебе свободно творить, хватается тебя за руку, – продолжал меж тем Шарц.

«Не даю тебе свихнуться», – пробормотал голос в голове.

«Человечек?»

«Сам ты человечек, я и есть ты! Не слушай этого болтуна гнома. Он и сам, должно быть, спятил, и тебя с ума сведет».

– А сейчас он тебе советует заткнуть уши! – рассмеялся Шарц. – Но я тебя, знаешь ли, не для того сюда привел, чтоб ругаться с коллегой. Костер догорает. Сейчас я вновь стану делать разные операции на отсутствующих больных, а ты... на меня ты еще насмотришься, следи пока, что делает моя тень...

И пока не погас огонь, на снегу плясала тень лекаря, черная на белом, словно безумная ожившая гравюра, исцеляя, спасая, сражаясь со смертью.

В немом восхищении Эрик смотрел на этот пронзительный танец, зная, что никогда его не забудет.

Потому что такое не забывается.

* * *

Обратный путь не занял много времени. Караульные при замковых воротах встретили их бодрым приветствием и улыбками. Меньше одной стражи прошло с момента, когда сэра доктор заглянул к своему ученику с предложением прогуляться. Меньше одной стражи и куда больше одной жизни. Замковая калитка со скрипом закрылась.

– По делу, разумеется, – шутливо отвечал наставник на расспросы караульных. – Или вы думаете, что мне по ночам заняться нечем, что я почему зря по сугробам шастаю?

– Есть, конечно, – улыбаясь, соглашались стражники. – С такой женой, да чтоб ночью заняться было нечем...

– Вот-вот, – кивал наставник. – А уж какая замечательная у меня дома подушка, вы просто не поверите! Впрочем, ночной страже о подушках рассказывать – грех великий. С меня пиво, ребята!

– Штрафное! – довольно басил начальник караула. – Так и запишем! Сэр доктор угощает всю нашу смену!

В шутливом ужасе Шарц схватился за голову. А с неба опять пошел снег.

– Пойдем, Эрик, – наконец сказал наставник, и они направились к дому.

К дому... это место надолго теперь станет его домом.

Дом. Это слово так странно ощущалось на языке, так свербело в мыслях... У Эрика никогда не было своего дома. Он спал, где полагат, и ел, что дадут. Его учили, что это правильно. Что так и нужно. Что у того, кто защищает свою страну и свой народ, не может быть ничего собственного, ничего личного. Собственностью воина являются его меч и его честь. У лазутчика нет даже этого. У него нет ничего, и поэтому он непобедим.

Пока другие трясутся за свое добро, он наносит удар и побеждает. Пока воин нагибается за оброненным мечом, он наносит удар и побеждает. Там, где воин отворачивается в страхе за свою драгоценную честь, там, где воин предпочитает умереть, лишь бы не быть запятнанным, лазутчик наносит удар и побеждает.

«Обрастание собственностью равносильно обрастанию жиром – может, и солидно смотрится, но что ты станешь делать в бою?»

Однако... его новый наставник – такой же лазутчик, как и он сам! – бесстыдно обладал этой самой собственностью. Сэр Хьюго Одделл, Шварцштайн Винтерхальтер, лазутчик,

лекарь, шут, рыцарь и много еще кто, уже одного этого достаточно, все эти имена и звания сами по себе – тяжкий груз, сами по себе – собственность. Это не маски, которые так легко сбросить, заменив их какими-то другими. Это лица. Он многолик и тяжек, страшно тяжек. Грузен. Он должен быть неподъемным. Он должен быть переваливающимся с боку на бок чудовищем, у которого крысы отъедают хвост, пока оно поворачивается, чтобы оскалить громадные зубы. Так что же позволяет ему парить, словно птице?

А ведь есть еще дом наставника, жена наставника, дети наставника... жена и дети – самая ужасная собственность для лазутчика. Даже такая жена и такие дети. То, что хуже любых кандалов. Она вяжет руки и тянет на дно.

У тебя слишком много своего, чтобы принадлежать чему-то большему...

Так как же он побеждает, имея все это? Таща на себе столь тяжкий груз? Как он умудряется со всем этим летать? Проклятье, как он победил меня?!

Эрик знал, что побежден. Он признал поражение, еще когда увидел цвет волос незримого больного, о котором заботился учитель, когда ощутил его незримую боль. Когда почувствовал свои руки на несуществующем пульсе.

А потом был волшебный полет... нечто невероятное... *и пока не погас огонь, на снегу плясала тень лекаря, черная на белом, словно безумная ожившая гравюра, исцеляя, спасая, сражаясь со смертью...*

Наставник взял его в этот невероятный полет. В это сводящее с ума безумие. Эрик не знал, как ему удалось такое, он и вообще ничего не понимал. Но не мог не признать главное. Он был побежден. Полностью и бесповоротно. По всем статьям. Побежден тем, кто нарушал все законы и правила. Кто просто не мог быть победителем. Тем, кто сознательно обрекал себя на поражение и все же каким-то немислимым чудом выигрывал.

«Наверное, я чего-то просто не знаю, – сам себе сказал Эрик. – Есть какие-то более высокие ступени этой игры, мне дотоле неведомые. Возможно, то, что запрещено на первой ступени, на более высоких, напротив, приветствуется?»

Эрик смотрел на дом лекаря, к которому они приближались.

«Вот, Эрик, это наш дом», – сказал ему наставник в самом начале.

Дом. Собственность. Камень. Якорь. Могила.

Наш дом.

Наш камень? Наш якорь? Наша могила?

Когда у Хьюго Одделла, который к тому моменту не был еще сэром, наконец появились свои больные, образовалась своя, так сказать, практика, а его старый наставник Грегори Спетт еще не отошел от дел, Его Светлость приказал освободить для молодого лекаря некоторое количество подсобных помещений, чтобы оборудовать там еще один лекарский кабинет, дабы, с одной стороны, не стеснять своего старого

врача, а с другой – дать место молодому. Когда новый доктор совершил подвиг, стал сэром и женился, над этими помещениями надстроили второй этаж. Так в замке. получился еще один дом.

Дом.

Дом был для Эрика чем-то из очень далеких сказок. Из тех времен, что ему едва-едва помнились.

«Это твой дом, – сказал ему новый наставник. – Это твоя комната».

«И все, что в ней, – тоже мое?»

«Конечно».

«Совсем-совсем мое?»

Нет, он не стал задавать таких детских вопросов. Он промолчал, разумеется. Его все же не один год готовили. Вот только... вся его подготовка теряла смысл под всевидящим взором наставника.

Этот проклятый гном! Этот сводящий с ума, меняющий все правила гнусный коротышка! Было что-то удивительно уютное в его потрясающем умении обладать вещами. Это казалось грехом, бедой, болезнью, а оказалось – силой, мощью, подвижностью... *крыльями...*

«Если ты по-настоящему владеешь своей собственностью, она не владеет тобой! – мелькнула мысль. – У тебя не остается власти над ней лишь тогда, когда ты даешь ей власть над собой. Вот тогда она завладевает всем, делая тебя неподвижным и, как все неподвижное, мертвым!»

– Подожди меня здесь, – бросил наставник, когда они подошли к дому, и Эрик послушно замер. Дверь за наставником неслышно закрылась.

«Вот так вот, – подумал Эрик. – Живешь, живешь, а потом жизнь – раз! – и переворачивается с ног на голову. А то, что тебя никогда не учили ходить на голове, никого не волнует. Изволь приспособливаться».

– Держи! – Вновь появившийся наставник протянул ему нож.

Точно такой же, как тот, сломанный. Вот только... Эрик взвесил его в руке. Проверил лезвие на прочность. «Этот и метнуть получится, и сломать не удастся. Отличный нож!»

– Гномский? – спросил он.

– Гномский, – ответил наставник. – Положишь, где взял. И чтоб тебя никто не видел.

– Слушаюсь, наставник, – промолвил мальчишка и исчез. Шарц аж вздрогнул.

– Что ж, – пробормотал он. – По крайней мере, вторая часть задания исполнена буквально. Если даже я его не вижу...

* * *

«Какое счастье, что он напал на меня! На меня, а не на кого-то другого. Нет, правильно я все сделал! Тысячу раз правильно! Притащил его сюда – правильно! Рядом с нашей

спальной устроил – правильно! На прогулку эту вытащил – правильно! Даже под нож подставился – и то правильно».

«Теперь он немного приутихнет, попробует все проанализировать, как его учили, а я... а я завтра с утра отправлю его колоть дрова, причем не абы куда, а на конюшню, Четыре Джона помогать. Да. Так и сделаю».

Шарц подмигнул самому себе и, задрав голову, уставился в ночное небо, откуда на него смотрели звезды. Конечно, из-за снега их сейчас не разглядеть, но ведь они все равно есть, правда?

Проскользнуть на замковую кухню совсем не трудно. Особенно если тебя нет, если ты легкая тень, заблудившаяся на задворках чужого сна, если ты равносильен снегу за окном, снегу, который идет так медленно, так степенно... и от него так хочется спать... спать... спать... вот и спите. Мне того и надо, чтоб вы спали. Или хотя бы глаза терли.

Кучка поварят играла в кости. Старая повариха дремала на лавке, во сне означенных поварят отчитывая.

На кухне ночует немало людей. И вовсе не потому, что им негде больше спать. Просто где еще им позволят так засидеться? К тому же на кухне тепло. Да и завтрак кому-то готовить надо. Вот и кипят огромные котлы, за которыми вполглаза присматривают игроки, а если что, они и повариху разбудят.

– Что-то мне спать захотелось, – пробурчал один.

– И мне, – пожаловался второй.

– Я вам усну! Вы у меня так уснете! – не просыпаясь, про- бурчала старая повариха, повернулась на другой бок и захра- пела.

– Вот же карга старая, – восхищенно промолвил один из игроков. – Не просыпаясь, ругаться наловчилась!

– Ничего, доживешь до ее лет – и ты научишься, – после- довал ответ.

Нож занял свое законное место легко. Уйти оказалось еще легче.

– Да вы уши друг другу как следует потрите, вот сон и соскочит, – услышал ускользящий из кухни Эрик.

– Ага! Если этот медведь мне уши потрет, я, пожалуй, и вовсе без них останусь! – долетел чей-то ответ, чуть слыш- ный, занавешенный снегом. Замечательным снегом, прячу- щим все следы.

Когда нож лег на то место, откуда так недавно, так смер- тельно недавно Эрик позаимствовал другой... когда нож за- нял свое место... что-то внезапно закончилось. Завершил- ся какой-то круг, начатый не здесь, не сейчас. Завершился. Эрик не мог бы сказать, откуда взялось это чувство и что означает, он только знал, что оно верное.

Что-то и в самом деле завершилось. Закончилось.

Наставник по-прежнему стоял на крыльце, ожидая его.

– Порядок? – спросил он.

– Порядок, – кивнул Эрик.

Гном посмотрел на него долгим-долгим внимательным

ВЗГЛЯДОМ.

Он тоже это почувствовал, понял Эрик. Да нет, какое там «почувствовал», он это знал. Знал с самого начала.

– Что ж, доброй тебе ночи, – промолвил наставник.

«Я пытался убить его, в ответ он подарил мне чудо».

«Ну, если не считать того, что он собирается свести тебя с ума...»

«Отстань, дрянной человек из головы, может, так надо!»

– Доброй ночи, наставник... – ответил Эрик.

И впервые подумал, что никаких призраков и чудовищ вокруг них нет, да и сами они – вполне себе обычные. Ну, со странностями, конечно, так кто ж без них?

Они вошли в дом – их собственный дом! – и стали подыматься по лестнице. Лестница равномерно поскрипывала. Слышать это было очень приятно.

* * *

В воздухе пахло свечами... и молитвами за любимого. Тихий облегченный вздох сказал больше, чем тысячи страниц самых умных книг. Все-таки замечательная у него жена. Самая лучшая. Лучше просто не бывает. Шарц улыбнулся, подходя к постели и зная, что жена тоже улыбается, Сейчас одна улыбка найдет другую...

– Боже! Милый, ты ранен? – вдруг воскликнула Полли.

– Ранен? – Шарц только сейчас вспомнил, что у него голова перебинтована. Ну не до того ему было! Правда не до того. – Это не рана, это Эрик на мне бинтовать учился, – на ходу сочинил он.

«А что, разве не правдоподобно? Мог же я его наставлять в высоком искусстве наложения повязок? Да и вообще это почти правда, он ведь и в самом деле меня перевязывал. Так что это мы с ним практической медициной занимались, вот!»

«Ага! А ночь – лучшее время для начала таких занятий! Ты что, забыл, что мудрее и проницательнее твоей жены нет никого на свете?»

– Врешь! – возмутилась самая мудрая и проницательная.

– Вру, – покорно согласился Шарц.

«Что я, дурак – с женой спорить?!»

– Сильно он тебя? – тотчас спросила Полли.

– Царапина, – отмахнулся Шарц. – Я ж говорил тебе, что все ледгундские агенты сплошные недотепы.

– Так он оттуда? – чуть нахмурилась она.

– Ну да, – вздохнул он.

– Бедненький. Нет, какие же у них там в Ледгунде сволочи сидят! Из такого потрясающего художника и сказителя агента делать!

– Из кого их только не делают...

– Гады, – добавила Полли.

– Вот поэтому я его оттуда и забрал.

– А он тебя вместо благодарности – ножом? – обеспокоенно уточнила она.

– По недомыслию, Полли. Исключительно по недомыслию. Когда кошку или собаку лечишь, они ведь бывает, что и царапаются, порой кусаются, ну так то – разумные животные. А что ты хочешь с несчастного агента? – грустно усмехнулся Шарц.

– Хочешь сказать, что агенты разумностью не отличаются? – улыбнулась Полли.

– Абсолютно, – кивнул Шарц. – Им ее иметь не положено. У них вместо разумности протез. Такой, чтоб посторонние отсутствие оной разумности не заметили. Чтоб считали, что все нормально. А на самом деле там, где у обычного человека разумность помещается, у этих несчастных, как гвозди из головы, торчат разные «задания», «приказы», «легенды» и прочие издевательства над здравым смыслом. Мне это, увы, хорошо знакомо. Сам таким был... какое-то время.

– Так что же нам с ним дальше делать? – озабоченно спросила Полли.

– Ты знаешь, я много думал об этом, – ответил Шарц. – И решил не делать с ним ничего. С ним и без нас столько всего сделали... Пусть сам живет. Может, получится.

– Но... он же может быть опасен?

– И это мне говорит женщина, сразившая в единоборстве фаласского храмового стража? – усмехнулся Шарц. – Разумеется, я буду за ним присматривать, а как же иначе?

В соседней комнате ворочался, устраиваясь на новом, непривычном месте, Эрик.

«Бедный парень, – подумал Шарц. – Что за жуткие чудовища бродят в твоей душе? Как же страшно тебя ломает. Что ж, такой нарыв за один раз и впрямь не вскрыть».

– Мы справимся, – прошептал Шарц, отыскивая губами губы жены. – Все вместе мы обязательно справимся.

* * *

Видит бог, неприлично опытному секретному агенту, что ни день, разевать рот от удивления! Неприлично, стыдно даже... а приходится. Вот и это утро застало Эрика с разинутым ртом. А что делать, раз у него сумасшедший наставник? Да любой другой на его бы месте, раз уж вчера убивать не стал... а он... он...

Колоть дрова для конюшни? Колоть дрова под присмотром Четыре Джона? И в самом деле, достаточное наказание за попытку убить наставника! Как его еще варенье есть не заставили! Большими такими олбарийскими ложками, с узором по краю. А ведь могли.

Этот здоровенный дядька (Четыре Джона, вот уж точно, что не три!), такой наивный и доверчивый, что его прямо усыновить хочется, все искал ему топор полегче, а то ведь надорвется бедняжка. Эрик и правда надорвался бы – от хохота. Впрочем, учитель не велел. Учитель велел колоть дро-

ва. Значит, будем колоть. И топора полегче нам не надо. Что? Уже нашелся? Ладно, скажем спасибо и будем колоть тем, что полегче. Сказано – значит, надо делать.

– Спасибо, – вымолвил Эрик и взмахнул топором.

– Отлично; – довольно сказал Четыре Джона, глядя, как ловко новый ученик Хьюго разваливает пополам здоровенные чурбаны. – С таким верным глазом и точной рукой из тебя справный лекарь выйдет. И очень быстро. Ты хоть и не гном, а парень правильный.

«Ну, положим, ты и сам на гнома не похож», – хотелось ответить Эрику, но разве ученик может сказать такое другу своего учителя? Или все-таки может?

Вообще странно тут у них все. Обыкновенный конюх, пусть даже и старший, запросто дружит с сэром Хьюго Одделлом, и это никого не удивляет. Мало того, к этому самому Четыре Джона даже герцог, говорят, на кружку пива порой заходит. Когда-то Эрику казалось, что нет людей более сумасшедших, чем фаласские монахи, но там у него хотя бы было задание, была легенда... Он должен был притворяться таким же сумасшедшим, как все, да еще и желающим сойти с ума как можно сильнее, а пока все верят в его безумие, спокойно делать свое дело. Теперь легенды нет, и задания нет, а его вновь окружают сумасшедшие. Только свихнулись они малость по-другому. Они все-все друг другу доверяют. Все-все! Они говорят то, что думают, совершенно не думая, что говорят!

И как себя среди них вести? Спросить учителя? Черта с два! Он такой же сумасшедший, как и все, только еще хуже... Он же знает, знает, что я слышу все, что говорится в его спальне! И тем не менее оно продолжает говориться...

– Достаточно, – сказал Четыре Джона. – Отдохни, парень...

– Отдохни? – удивился Эрик. – Зачем?

– Но я же вижу, что ты устал, – сказал Четыре Джона и провел широченной ладонью по его мокрой спине.

– Устал?! – поразился Эрик.

«И это называется – устал? Я привык называть этим словом совсем другое, господин старший конюх... ты даже представить себе не можешь, *насколько* другое...»

– Я не устал, господин старший конюх, – возразил Эрик.

– Зови меня просто – Четыре Джона, – напомнил старший конюх милорда герцога. – Мы же договаривались.

– Я не устал... Четыре Джона, – промолвил Эрик.

Разумеется, он прекрасно помнил, о чем они «договаривались», вот только мало ли что... иногда то, о чем договаривался вчера, перестает существовать на следующий день – так, словно его и не было никогда.

– А я говорю, устал, – настаивал Четыре Джона. – Мне лучше знать, недаром меня старшим конюхом назначили. Так что сядь и отдохни.

Огромная, как лопата, ладонь мягко усадила Эрика на чурбачок. Широким жестом Четыре Джона набросил на него

свой огромный, будто шатер какого-нибудь фаласского вельможи, кафтан. Сам же старший конюх устроился на соседнем чурбачке и, вооружившись ужасающих размеров топором, принялся колоть дрова сидя. Ему даже замахиваться особо не приходилось. Едва соприкасаясь с его топором, поленья раскалывались сами, словно бы уstraшенные той непомерной силищей, что заключалась в этом невероятном человеке.

«Такого я бы никогда не взялся убивать! – мелькнуло в голове у Эрика. – Такого разве что отравить... и то непонятно, сколько же яда нужно на такую прорву?!»

– Дяденька Четыре Джона! – раздался внезапно голос Кэт. – Я вам пирожка принесла...

– О! Здравствуй, красавица! – расплылся в улыбке великан-конюх.

«Кому другому она бы за „красавицу“ голову оторвала, – подумал Эрик. – Уж родным-то братьям точно. Но Четыре Джона есть Четыре Джона, это даже мне понятно».

– Здравствуйте, дяденька! – откликнулась Кэт, улыбаясь до ушей. – Эрик, здравствуй! Сказки у тебя просто потрясающие! Мне твои кони и гномы потом аж во сне снились.

– Так ты, Эрик, еще и рассказчик? – подивился Четыре Джона.

– Еще какой! – воскликнула Кэт. – Я и то уже говорю: зачем ему на доктора учиться, пусть лучше учится на сказочника!

– Так ремесла, наверное, такого нету, – заметил Четыре

Джона.

– Как нету? – возмутилась Кэт. – Должно быть! Я скажу папе, пусть съездит к королю и скажет ему, чтоб сделал так, чтобы было!

– Ну разве что к королю, – улыбнулся Четыре Джона, разворачивая сверток с пирогом. – Ого! Тут на нас на всех хватит! А ну-ка, пошли в мою пристрочку!

Горячий грушевый взвар, сладкий до изумления, отлично сочетался с олбарийским пирогом с изюмом.

– Пожалуй, надо и мне у тебя сказку попросить, – сказал Эрику Четыре Джона. – Не сейчас, конечно, а как настроение у тебя будет. Захочешь – расскажешь.

«Эдак скоро весь замок будет за мной гоняться и сказок требовать!» – с ужасом подумал Эрик.

– У него такие сказки, просто ух! – поведала Кэт. – Ладно, я к лошадям пошла. Надо же наконец и делом заняться.

Она запихнула устрашающих размеров кусок пирога прямо в рот и вышла решительным шагом.

– Куда это она? – спросил Эрик.

– На конюшню, – ответил Четыре Джона. – Дела у нее там. Кони стоят необследованные, от самых ужасных болезней не леченные. И вообще все ужасно, того и гляди – крыша рухнет.

Он улыбнулся и подмигнул Эрику. И тот понял, что младшая докторова дочка играет в «лечение коней» куда серьезнее, чем ему показалось. Куда уж серьезнее, когда ее «иг-

рушками» становятся сами кони. Коням от ее игрушечного лечения, конечно, ничего не сделается. А вот ей самой от коней...

– Это не опасно? – встревоженно спросил Эрик.

– Кому другому – опасно, – ответил Четыре Джона. – Бовые кони шутить не любят. Но эта маленькая мерзавка обаяла всю конюшню. Не иначе как «лошадиное слово» знает. Кони в ней души не чают, все до единого. Сами никогда не обидят и другим не позволяют.

Эрик чуть слышно вздохнул.

– А у тебя дома небось тоже сестренка есть, – вновь улыбнулся Четыре Джона, глядя на Эрика пронизательными и мудрыми глазами младенца.

– Есть, – ответил Эрик, припоминая Карающих из фаласского Храма. – Даже несколько.

* * *

Когда Эрик вошел в лекарский кабинет, сэр Хьюго как раз провожал последнего пациента.

– Благодарю вас, доктор, – кланяясь, говорил тот.

– Главное, не забудьте, *после еды*, – отвечал наставник. – После, а не до. А благодарить станете, когда поможет.

– До свидания, доктор, – еще раз кланялся пациент.

– И вам до свидания, – кланялся Шарц.

– С дровами закончил? – только и спросил наставник.

– Закончил, – кивнул Эрик, глядя в глаза наставнику и ожидая, что тот хоть словом помянет вчерашнее. Не дождался.

«Может, дрова – это и вовсе не наказание? Уж больно нелепо это наказание выглядит. А если учесть изюмный пирог с грушевым отваром... это небось леди Полли придумала. И кусок такой здоровенный недаром прислала. Так, чтобы уж точно всем перепало. И когда успела? Она ж с утра сегодня в город уехала. Или Кэт сама кусок пирога на кухне выпросила? С такой станется. Она кого угодно уговорит и что угодно выпросит».

Так что, выходит, когда я вернул другой нож на место украденного...

– Что ж, отлично, – сказал Шарц. – Займемся делами.

«Займемся делами, и все?! И ты ничего, совсем ничего мне не скажешь?!»

– Наставник, – не выдержал Эрик.

– Да? – откликнулся сэр Хьюго.

– Я украл нож и сломал его, пытаюсь вас убить, – сказал Эрик.

«Вот так. Теперь ты уже не сможешь промолчать!» – подумал он.

– Да, – кивнул Шарц, безмятежно поглядев на Эрика.

«Да? И это все?! – возмутился Эрик. – Нет уж!»

– Вы дали мне другой, лучший нож и велели отнести на место, – продолжил Эрик.

«Ты мне скажешь! Я должен знать!»

– Да, – вновь кивнул Шарц.

«Проклятый гном! Ты это нарочно? Или ты это меня так наказываешь?»

– Когда я его положил, все кончилось? – терпеливо спросил Эрик. – Вы ведь за этим и сказали мне его положить?

– За этим, – ответил наставник. – Ты все правильно понял.

– Вы... не станете меня наказывать? – спросил Эрик.

– Не стану, – сказал Шарц. – Ты далеко не все тогда сделал неправильно. Кое-что ты сделал очень даже верно. Я сказал тогда, что ты выбрал неверный объект для нападения? Я был не прав. Напротив, ты выбрал удивительно верный объект для нападения. Можно сказать, наилучший!

– Почему, наставник? – ошеломленно выдохнул Эрик. «Ну вот, опять проклятый гном ошарашивает меня своими невероятными парадоксами!»

«От которых ты очень скоро тронешься и станешь совсем как он!» – пробурчал голос в голове.

«Заткнись, подстрекатель!»

– Почему, наставник? – еще раз повторил Эрик.

– Да потому что тебе вовсе не нужно было убивать меня, – ответил гном. – Ну вот скажи, что бы ты сделал, добившись цели?

Эрик ощутил странную пустоту. Он уставился на наставника со смесью ужаса и надежды.

«Я даже не попытался подумать, что стану делать *потом*...

Неужто потому, что никакого „потом“ просто не могло быть? Неужто я уже тогда это предчувствовал?»

– У тебя вышло. Ты добился цели. Гном мертв, – продолжал Шарц. – Что дальше?

Эрик выдохнул, начиная понимать.

«Так вот почему я промедлил! Так вот почему мне хотелось, чтоб меня остановили!»

Это только кажется, что лазутчики мыслят быстрее, точнее и правильнее обыкновенных людей. Их способности и правда потрясают воображение, но сосредоточены эти способности в узких рамках их профессиональной деятельности. Во всем, что ее не касается, они мыслят с обычной скоростью или даже медленнее прочих смертных. Тело силача, способное поднимать большие тяжести, не приучено к быстрому бегу, а бегун просто переломится под изрядным грузом. Так и лазутчик, превосходящий прочих в чем-то одном, тем самым обречен проигрывать в чем-то другом. Идеальный исполнитель, способный на виртуозные тактические решения, далеко не всегда является гениальным стратегом. Чаще всего не является.

Ужасное чудовище убито, победа одержана – что дальше? Что?!

Его не учили планировать операции, его учили выполнять спланированное другими. Он может импровизировать, если известна конечная цель. Его не учили находить конечные цели. Его вообще не учили ничему такому. Не учили... не учи-

ли... не учили...

«Интересно, а почему?»

– Я стал бы свободен от клятвы и мог умереть... покончить с собой, – неуверенно пробормотал Эрик.

– Ерунда какая! – воскликнул гном. – Тебя учили выживать, тебя учили быть эффективным, тебя учили побеждать и возвращаться домой! Какого черта ты решил все это порушить? Тебя так старательно готовили – неужто для того, чтоб ты тупо перерезал себе горло? Да ты и не стал бы... Как следует подумав – не стал бы...

«Не стал бы?! Правда?»

– Ну... я мог бы вернуться к себе... в Ледгунд... – еще более неуверенно пробормотал бывший ледгундский лазутчик.

– И тебе пришлось бы рассказать твоему бывшему наставнику все, – кивнул Шарц. – Как ты убил человека, которому принес клятву верности. Сам подумай, стали бы тебе доверять? Тебе, один раз уже нарушившему клятву и убившему наставника?

Эрик молчал. Он и подумать не мог, что... А ведь верно... Эта дорога вела в пустоту. Хорошо, что она оказалась непроходимой. Хорошо, что у наставника столь крепкий затылок и такая потрясающая реакция. Хорошо...

– Так что я был не прав тогда, – продолжал Шарц. – Ты выбрал как раз самый правильный объект для нападения. Тебе нужно было сбросить, выплеснуть из себя то, что накопи-

лось. А заодно убедиться, что я сильнее, что я достоин того, чтобы быть твоим наставником, твоим мастером. Что ж, я постарался доказать тебе это. Надеюсь, у меня вышло.

– Да, наставник, – кивнул Эрик.

«Интересно, а что бы было, не промедли я ту долю мгновения? Ты и тогда бы успел?»

– Что ж, займемся нашими делами, – вновь сказал Шарц. – Некоторое количество грязной алхимической посуды требует твоего самого пристального...

И вновь Эрик перебил его.

– Наставник, – робко, но упрямо проговорил он.

– Ну? – недовольно откликнулся Шарц.

– У меня просьба. Я не знаю, может, у гномов по-другому... – Эрик запнулся. «Только бы он не отказал! Только бы согласился!»

– Я слушаю, Эрик. – Нетерпеливо нахмурившийся гном мигом подобрел и обратился в слух.

«Понял, что для меня это важно. Так важно, что попросить боюсь... Как же хорошо ты все понимаешь! Так хорошо, что страшно делается!»

– Мне очень нужна одна вещь, – тихо сказал Эрик. – То есть не вещь, а... я не могу без этого... не привык... Слишком долго я был «фаласским храмовым послушником»... если бы у меня тогда не было стержня, я бы и в самом деле стал фаласским монахом...

– Тебе нужна «легенда»? – догадался Шарц.

– Да! – счастливо выдохнул Эрик. – Вы не поверите, наставник, я так изголодался без нее, что вчера полдня был конем и королевой! До самого вечера, пока вас убивать не собрался!

– Кем-кем ты был? – потрясенно спросил Шарц.

– Конем и королевой, – ответил Эрик.

– Как у тебя это вышло? – изумился Шарц. – Насколько мне известно, гибрида коня и королевы даже в сказках не существует. Уже хотя бы потому, что за подобную сказку даже добрый король Джеральд под горячую руку голову оторвет самолично и лишь потом поинтересуется, как звали идиота-сказочника.

– Так то в сказках, – вздохнул Эрик. – А в жизни, припрет, и не такое случается...

Он вздохнул и рассказал все как было.

Шарц улыбался.

– Подумать только.

– Ага, – усмехнулся Эрик.

– Значит, так, – закончив улыбаться, сказал Шарц. – Деть своих я кой-чему обучил, но всерьез лазутчиков из них делать не намерен. И тебе запрещаю. В Олбарии, да и Ледгунде, этого добра и без нас достаточно. Хороших лекарей куда меньше. И не выдумывай, что они на кого-то там якобы «работают», это в тебе профессиональная подозрительность пляшет. Еще бы, столько лет прожить в месте, где подозревать приходилось всех, а потом вдруг без перехода оказывать

ся там, где подозревать почти что и некого. Разве что нас с тобой, так и то ведь понапрасну. Не беда, пройдет... Здесь такое место, что любую душевную хворь как рукой снимает. А «легенду» тебе...

Эрик глубоко вдохнул и с наслаждением выдохнул. На губах его засияла мечтательная улыбка.

«Легенду! Легенду! Легенду!» – вопил лазутчик у него в голове.

«Белого и пушистого не бывает, да?! – ехидно поинтересовался у него Эрик. – Бывает только тусклое и острое?! Что, действительно только такое? На самом деле?!»

«Ну...» – замялся лазутчик.

«Ты, кажется, собираешься что-то взять из рук этого проклятого гнома? – продолжал издеваться Эрик. – Того самого проклятого гнома, который собирается „свести нас с ума“? Ты не забыл об этом?»

Лазутчик окончательно стушевался. Его жалкое бормотание перестало Эрика интересовать.

Если наставник даст ему «легенду», он простит ему попытки свести его с ума. Если у него будет «легенда», он согласен сойти с ума. Он на все согласен!

Шарц бросил на него быстрый тревожный взгляд.

– «Легенду», значит, – повторил он. – Что ж, вот тебе «легенда»: ты ученик олбарийского лекаря, который на самом деле является секретным агентом. Днем ты старательно моешь пробирки и помогаешь наставнику ставить привар-

ки с притирками, а по ночам осваиваешь высокое искусство «сердца камня» и другие устрашающие и таинственные вещи. Пойдет?

– Пойдет. – Эрик улыбался.

«Что-то не похоже, чтобы мир собирался рассыпаться на осколки!»

«Может, просто еще не время?» – хмуро спросил счастливый лазутчик. *Да разве это можно, показать кому-то, что ты счастлив? Да это почти то же самое, что показать, как ты несчастлив. Или даже хуже. Нельзя, нельзя демонстрировать свою слабость.*

«А может, ты наконец заткнешься?»

Эрик улыбался.

– Боже, у меня такое ощущение, что солнце взошло прямо здесь! – ответно заулыбался Шарц.

– Так оно и есть, учитель, – выдохнул Эрик. – Где там ваши пробирки с колбами?

Шарц вновь бросил на него короткий тревожный взгляд.

– Эрик, я оказал тебе услугу, – промолвил он. – На мой взгляд, дурную. Тебе нужно учиться жить, а не играть кем-то придуманные роли. Ладно, обезболивание не всегда идет на пользу организму, но порой без него и вовсе не выжить. Мне бы хотелось, чтобы ты ответил мне встречной услугой.

– Если только это в моих силах, наставник, – все еще лучезарно улыбаясь, ответил Эрик. – Вы же знаете, я для вас все сделаю...

– В твоих, Эрик. Сделай милость, прекрати именовать меня на «вы» и переходи на «ты», будь добр!

– Э-э-э... конечно. Ну что, учитель, я пошел мыть эти самые пробирки?

– Пошел, – кивнул Шарц. – Еще как пошел. И поторопись, есть и еще дела.

– А мне лишнее пирожное будет за старательность и прилежание?

– Подзатыльник тебе будет, за болтовню, – посулил Шарц.

– Злой ты человек, учитель, – сокрушенно покачал головой Эрик и отправился выполнять распоряжение учителя.

– Пустячок, а приятно, – вслед ему ухмыльнулся Шарц.

А помолчав, добавил:

– Надо с ним что-то делать...

И поспешил по своим докторским делам, которых у него и впрямь было немало.

* * *

В Марлецийском университете Эрик, конечно, не учился. Но кое-какие алхимические познания у него все же были. Лазутчик должен уметь много всякого, вдруг пригодится? Вот он и умеет. Например, обращаться с диссольвентом, именуемым в просторечии «драконьей кровью». А то ведь без него пробирки как следует не помоешь. Простой водой далеко не всякие реактивы отмываются. А если не знать, как

с ним обращаться, так и без глаз остаться недолго.

Эрик старательно мыл пробирки, когда был внезапно захвачен в плен зловещими пиратами.

– Я занят! – пробовал объяснить он.

Но пираты были очень злыми и пленных не брали. Они размахивали ужасными черными флагами с черепом и костями и решительно шли на abordаж.

– Сказку-сказку-сказку!!! – скандировали пираты, и черные флаги гордо реяли над бушующими морскими просторами.

– Наставник мне голову оторвет, если я все пробирки с колбами не перемою, – пробовал защищаться Эрик.

– Мы сами их пере... моем, – ответили Джон, Роджер и Кэт. – А ты – сказку!

Четвертый пират был самым ужасным и неумолимым из всех пиратов. Он вошел позже остальных и произвел такое ошеломительное впечатление, что Эрику пришлось признать свое поражение.

– Эрик, у тебя большие неприятности, – сказала Ее Светлость герцогиня Олдвик. – Дело в том, что я тоже хочу сказку.

– На abordаж! – закричали остальные пираты, выхватывая из рук Эрика колбы с пробирками.

– Осторожнее с «драконьей кровью»! – испуганно выдохнул Эрик.

– Диссольвент, – назидательно заметил Джон, – стоял у

меня рядом с бутылочкой с молоком, когда я еще и ходить-то не умел. И, честное пиратское, я ни разу эти две бутылочки не перепутал!

– Врешь ты все, Красноглазый Череп, – осадил его Роджер. – Никогда наш папа не стал бы диссолювент где попало бросать.

– Сказку! – заглушая братьев, вскричала Кэт.

– Сказку! – поддержала ее миледи герцогиня. – но сначала – пробирки. Мы ведь благородные разбойники, правда? Если из-за нас Эрику попадет, будет ли это справедливо?

Взяла самую здоровенную колбу и преспокойно принялась ее отмывать.

– Миледи... – ошарашенно выдохнул Эрик.

– Да? – Герцогиня подняла на него смеющиеся глаза.

– Вы не должны... – Он запнулся, не зная, как закончить, как выразить то, что ему хочется сказать. «Ведь не бывает, чтоб герцогини пробирки мыли!» Но герцогиня *поняла* его и так.

– Это мой замок! А значит, и пробирки в нем – мои! Что хочу, то и делаю! – голосом «зловещего» сказочного пирата продекларировала она.

И что на такое скажешь? Если, к примеру, герцогиня возьмется мыть полы, кто посмеет ей запретить? Разве что герцог. Вот только его здесь нет.

Видя, как ловко его добровольные помощники справляются с порученным ему делом, Эрик только руками развел.

А потом присоединился.

– Вот. А теперь – сказку! – торжественно объявила миледи герцогиня, когда все колбы с пробирками, сияя первозданной чистотой, выстроились, как на параде.

– Сказку, – кивнул Эрик, закрывая сосуд с диссолювентом и ставя его на место. – Итак, в некотором царстве, в Марлецийском государстве жил да был...

Лист бумаги сам собой лег в руки, и первые линии уже соскочили с карандаша...

* * *

– Все, Эрик, до вечера ты свободен, – сказал Шарц, оглядывая до блеска выдраенную лабораторию. – На ужин смотри не опаздывай, а то мои чертенята все пирожные съедят!

– А как же «другие дела», наставник? – спросил Эрик. – Ты же сам сказал, что они есть.

– Разумеется, есть, – ухмыльнулся наставник. – Вот, смотри: первое дело – дрова, его ты уже сделал; второе, пробирки, тоже; а дальше, как я и сказал, – твое свободное время.

– Но разве «свободное время» – это дело? – запротестовал Эрик.

– А как же? – прищурился наставник. – Свободное время – очень, даже серьезное дело. И только попробуй сделать его кое-как! Ты меня понял?

– Да, наставник, – поклонился Эрик и вышел.

«А жаль, что наставник не застал герцогиню, моющую пробирки. Интересно было бы посмотреть на его ошарашенную физиономию. Не все ж ему меня ошарашивать!»

Свободное время. Вот и еще одна собственность, которая появилась у него с легкой руки наставника. Свободное время! Свободное время до самого вечера. Делай что хочешь, хоть с ума сходи. Эрик поначалу так и решил, будто все, что ему остается, – с ума сойти.

Свободное время... время, принадлежащее ему одному, время, которое он может потратить так, как ему вздумается, подарить его кому или чему угодно.

«А что я должен делать в это ваше „свободное время“, сэр?»

«Твое, а не ваше!» – тотчас напомнил он самому себе.

«У лазутчика нет ни мгновения своего времени, именно поэтому время всего мира принадлежит ему!» – так его учили. А теперь... а теперь ему вручают свободу, так почему же у него такое чувство, будто его ограбили, сковали по рукам и по ногам? Почему эта самая «свобода» превращается в кандалы, почему кажется, что она безжалостно и бессмысленно отнимает время, то самое время, которое он мог бы с толком потратить, воплощая замыслы наставника, тренируя свои старые умения или отрабатывая новые? Почему кажется, что свобода равносильна пустоте? Что в ней ничего нет?

Эх, легко решать, куда идти, когда дорога одна...

«Так что же мне все-таки делать со своей свободой?!»

Эрик не стал задавать наставнику этот дурацкий, детский вопрос. Раз наставник не сказал, значит, ученик сам должен это знать. А раз не знает – догадаться. Может, это задание такое? Маленькая такая проверка сообразительности. В общем, думать надо, а не наставника почему зря глупыми вопросами дергать. Выпросил «легенду» – и будь доволен. Сам подумай, чем бы стал на твоём месте заниматься ученик лекаря? Куда бы он пошел, что бы его заинтересовало?

Для начала Эрик решил обойти замок, посмотреть все, что получится, познакомиться с кем придется, а там видно будет.

Он шел, сворачивая в разные уголки и закоулки, запоминая, что где находится, здороваясь со всеми, кого встречал, вежливо представляясь и запоминая имена и лица тех, с кем ему довелось встретиться.

Так он забрался на задний двор, где нос к носу столкнулся со здоровенным детиной в драном кафтане. В руках детины был потрясающей красоты огромный вязаный платок, в котором что-то попискивало. Глаза детины сияли.

– Дилли оценилась, – поведал он счастливым голосом.

– Здорово! – подыграл ему Эрик.

– Еще бы не здорово! – откликнулся детина. – Ведь она лучшая, понимаешь? Лучшая!

– Понимаю, – в том же тоне откликнулся Эрик.

Чего ж тут, в самом деле, не понять? Лучшая, она и есть лучшая...

Из платка вдруг высунулся большой влажный нос, и Эрик понял, что детина несет мать вместе со щенками. Что ж, оно и правильно, наверное. Отчего не тащить собаку вместе со щенками, раз сил достаточно и желание есть?

– Кстати, меня Эрик зовут, я ученик здешнего доктора, – представился Эрик.

– Кстати, меня Руперт зовут, я здешний герцог, – ухмыльнулся детина. – И, кстати, мы уже виделись, мельком, правда. Тогда, у ворот.

Две невероятные, невозможные для состыковки картинки завертелись друг вокруг друга и столкнулись со страшным грохотом. Красавец герцог в роскошном зимнем плаще и этот красноносый здоровяк в драненьком кафтане.

«Болван! Шляпа! Растяпа несчастный! Это и есть твоя хваленая подготовка?! Не узнать герцога! Самого милорда герцога!»

«Вот-вот, а пообщаешься еще с этим твоим „наставником“ – вообще людей различать перестанешь, – посулил голос в голове. – Зато тебя самого тогда уж никто ни с кем не перепутает, можешь не сомневаться».

Эрик застыл с отвисшей челюстью.

– Прости, Эрик, малышей в тепло отнести надо, – промолвил Руперт Эджертон, герцог Олдвик. – Эта дурочка отчего-то решила, что ей в старой бочке удобней всего родить. Потом поговорим.

Он прикрыл куском платка любопытный собачий нос: за-

шагал дальше. А Эрик так и остался стоять, подавленный собственной некомпетентностью.

«Об этом нужно рассказать наставнику. Непременно нужно! – решил он. – Есть же какие-то способы с этим бороться. Или это случайность? Ничего не значащий промах? Вот еще. У агента моего уровня не бывает, не может быть промахов. Тем более таких. А раз таковой все же случился, значит, что-то пошло не так. Что-то пошло не так, и наставнику необходимо сообщить об этом».

«С другой стороны, я ведь сейчас и не лазутчик вовсе, сам себе возразил он. – Я сейчас ученик лекаря. То есть совсем другой человек. Мало ли что этот невнимательный тип проморгать способен? Он ведь с утра до ночи только о порошках с пробирками думает! Где ему по сторонам глазеть, да еще и запоминать увиденное. Он и мыслить-то должен по-другому: *это* не лечат, *этим* не лечат? Тогда *это* неинтересно – примерно вот так вот!»

Повеселевший Эрик облегченно вздохнул и пошел дальше, похрустывая снегом.

«Герцогиня моет пробирки и играет в пиратов, а герцог, одетый хуже огородного пугала, самолично занимается переноской собачьих семейств с места на место. Может, все не так страшно, как мне спервоначалу показалось? Может, я просто попал в обыкновенный дурдом, да не понял этого? Интересно, кого я еще сегодня встречу?»

«Что, нашел для себя оправдание и успокоился?» – про-

бурчал лазутчик в его голове, но Эрик его гордо проигнорировал.

* * *

Эрик лежал, слушая, как потрескивают дрова в камине, и глядя, как пляшут по потолку отсветы каминного пламени.

Там, на потолке, мчалась фаласская конница, извивались в страстном танце смуглые большеглазые танцовщицы, спешили вдаль к незнакомым волшебным городам караваны, ведомые высохшими от зноя жилистыми проводниками, мастерами боя на мечах и знатоками удивительных историй. Таинственно улыбались прекрасные принцессы и волшебные девы, рычали тигры и львы да хмурились великие воины, приглядываясь к очередному дракону. Драконы ревели, извергая пламя, седобородые мудрецы плели интриги и высказывали пророчества, а великие полководцы вели в битву несметные армии.

Там, на потолке, рождались мириады волшебных сказок и удивительных историй, и если сумеешь хоть некоторые из них услышать, увидеть и запомнить...

Эрик и сам не знал, чему улыбается, но прогнать с губ улыбку не получалось. Ну и ладно, все равно темно и никто не видит. А если бы и видел... мало ли чему может улыбаться ученик лекаря?

«Все хорошо, но что, если ты все-таки свихнешься от этих

своих сказок?»

«Заткнись!»

«Заткнись? И это все, что ты мне ответишь?!»

«Заткнись. Это все. Не мешай мне чувствовать себя счастливым».

За окном опять идет снег. Скругляя, сглаживая все звуки. Так хорошо лежать здесь, прислушиваясь к потрескиванию пламени, к снежному шепоту за окном, так хорошо иметь «легенду» и быть счастливым. Ученику лекаря приятно лежать здесь, где он и в самом деле ощущает себя дома, где ему хорошо, где его не обидят, где о нем позаботятся, а лазутчику... лазутчику хорошо и приятно внутри «легенды». «Легенда»... так вот что является домом лазутчика!

А еще говорят, что у лазутчика ничего нет, что он лишен собственности! Ничего себе – нет! Ничего себе – лишен! Да любой дом, даже такой вот замок, уничтожить проще, чем крепко сколоченную легенду! Да и защищает хорошая легенда получше иных стен. Так что не стоит спорить что реально, а что нет. Кажется, это и так ясно.

Ученик лекаря и лазутчик... нет, не так... ученик лекаря и *ученик* лазутчика, так будет правильно. До уровня моего нового наставника мне еще тянуться и тянуться. И не только как лекаря, как лазутчика – тоже.

«Нам будет трудно, но вместе... вместе мы справимся», – вдруг подумал Эрик, и его губы вновь сами собой сложились в улыбку.

Он и сам не мог бы сказать, кого имел в виду под этим своим «мы». Себя и Шарца? Обе свои ипостаси? Себя, своего наставника и всю его семью? А может, просто весь Олджик, начиная с герцога и герцогини?

Ему было все равно. Радость не требует объяснений.

* * *

Идет время, и ты привыкаешь к новой жизни. Привыкаешь, осваиваешься, пока в один прекрасный момент не понимаешь, что счастлив. Прошлое кажется навсегда прошедшим, похороненным, забытым. Прошлое кажется смутным сном, от которого поутру ничего не осталось. Жуткие призраки рассеялись навсегда.

Наставник так ни разу и не спросил у тебя больше о, том, что столь заинтересовало его в самом начале, о том, что, похоже, вовсе не интересует его теперь. А ведь тогда, когда он задал свой вопрос, ты был просто в ужасе. Одного этого вопроса с лихвой хватало, чтобы погубить тебя. Но он так ни разу и не спросил вновь: «Почему же ты просто не переписал им эту проклятую книгу, ведь ты наизусть ее помнить должен?» Он и вообще охотнее наставляет в медицинских познаниях, чем в ремесле лазутчика. И не потому, что жалеет свои какие-то особенные секреты, просто ему самому это не так уж и интересно.

Против воли ты и сам начинаешь всерьез интересоваться-

ся медициной. И если вначале ты полагал ее всего лишь дополнением к прочим знаниям, то постепенно, поддаваясь искренней увлеченности наставника, ты начинаешь считать ее основным своим делом.

Она тебе нравится – вот что поразительно!

«Убить человека куда легче, чем спасти его! – не устает повторять Шарц. – Украсть какой-то секрет куда легче, чем открыть секрет, доселе никому не ведомый. А где же и совершать эти открытия, если не в медицине, единственной науке, занимающейся спасением самого важного из чудес и даров Господних, человеческой жизни!»

Все реже и реже ты вспоминаешь о прошлом. Ты наконец понимаешь, что, даже если бы мог, не хотел бы туда вернуться. Но прошлое иногда напоминает о себе само. Оно возвращается, не спрашивая твоего желания. Его чудовища всплывают из глубин забытых снов и оказываются действительно чудовищами.

Эрик беспечно прогуливался по замку в ожидании ужина. Он уже свыкся с мыслью, что у него есть свободное время, вот только пока не очень научился им распоряжаться.

И все равно свободное время иметь приятно. Вообще приятно, когда есть что-то свое. Только твое и ничье больше. И ты можешь подарить его кому захочешь. Поиграть с детишками наставника. Отправиться на конюшню к Четыре Джона, с которым очень интересно и занятно беседовать. Поболтать с самим наставником. Отправиться бродить по замку,

знакомясь с новыми людьми. Да мало ли что...

Эрик вздрогнул, ибо чья-то незримая рука внезапно выдернула у него ту занавесь, которую нужно все время держать отодвинутой. Держать, чтобы видеть небо, и солнце, и весь остальной мир. Занавесь, на которой гнездятся все его кошмары. Те самые, которых он никогда не видит во сне. Те самые, что всегда посещают исключительно въяве. Занавесь хлопнула на призрачном ветру и упала на лицо. Упала, и он задохнулся от ужаса. Задохнулся от ужаса и увидел.

Он не знает... не может... никогда не сможет сказать, почему это так страшно... эти шевелящиеся губы... одни губы, без лица... он отлично читает по губам, но ему никогда не удавалось что-нибудь прочесть по этим... шевелящиеся губы и ужас... ужас... нескончаемый ужас...

Жуткие призраки ожили и с яростным клекотом закружились над ним.

Он знал, что сейчас произойдет, знал, что придет вслед за этим. В Ледгунде после выполнения задания с ним это случилось дважды. И оба раза тогда, когда он попытался сделать то, что так заинтересовало его нового наставника. «Почему ты просто не переписал им эту проклятую книгу? Ведь ты должен помнить ее слово в слово».

Вот потому и не переписал.

Фаласский Храм Смерти, как оказалось, неплохо умел охранять свои страшные тайны. Очень даже хорошо умел.

Но сегодня... сейчас... да он даже и не думал о проклятой

Книге!

Почему?

Отчего?

За что?!

Шевелящиеся губы приблизились, заслоняя собой весь остальной мир. Вот сейчас... сейчас... тело взорвется невыносимой болью, и он тихо сползет по этой стене. Это не та боль, от которой громко кричат. Эта та боль, от которой тихо умирают. Тихо, потому что нет силы на крик. Потому что эта боль мгновенно выпивает силы. Хорошо еще, если его вовремя заметят. Наставник, наверное, сможет его вылечить.

– Эрик! Эрик, ты чего? Тебе плохо, да?!

Кто-то что-то кричит. Или шепчет?

Где-то далеко. Совсем далеко. В какой-нибудь Олбарии. Или Марлеции. Из Фалассы ничего не слышно.

Это из Ледгунда слушать надо. А еще лучше послать агента, и пусть он все подслушает как следует...

Кажется, он упал. Ну да, он лежит на спине, а кто-то маленький и шустрый растирает ему снегом лицо и уши. И боль отступает. Уходит. Губы... ужасные шевелящиеся губы бледнеют и выцветают.

– Кэт, – чуть слышно шепчет Эрик, узнавая суетящегося над ним спасителя.

– Да здесь я, здесь, – откликается эта малявка. – Сейчас помогу тебе встать...

– Лучше... позови папу, – шепчет Эрик. – Скажи ему... скажи...

– Думаешь, я тебя не подыму? – решительно откликается она. – Я ж наполовину гномка как-никак. Мы, гномки, знаешь какие сильные?

Она подхватывает его под плечи, но он уже может встать сам. Проклятые шевелящиеся губы исчезли. Их решительно стерла маленькая ладошка Кэт.

– Не знаю насчет других гномок, Кэт, но ты и правда очень сильная, – отвечает ей Эрик. – Ты даже сама не знаешь насколько.

Двое лучших ледгундских лекарей сутками спасали его от этой боли, от этих жутких шевелящихся губ. Он умирал, он думал, что умрет, он выжил чудом. Оба лекаря пожимали плечами: не знаем, дескать, что за болезнь. А один, помолчав, добавил: «Конечно, с научной точки зрения колдовства не существует. Однако это, несомненно, колдовство».

Долгие дни и ночи невыносимой боли всего лишь за попытку вспомнить запретное, примочки, припарки и притирания, нюхательные соли самого разного состава, кровопускания и лекарства, лекари и лекари, целые консилиумы лекарей и два медицинских светила при нем неотлучно... и всего лишь ладошка маленькой Кэт, погладившая его по волосам, потершая ему физиономию снегом, всего лишь ее решительная попытка поднять его на ноги.

– Пойдем домой, – сказала Кэт. – На ужин знаешь какое

вкусное? Ух!

– Пойдем, – сказал Эрик.

Он все ждал, не вернутся ли ужасные губы.

Губы не возвращались.

Призраки отступили во тьму.

* * *

– Мне кажется, тебе нужно мне что-то рассказать, Эрик, – промолвил Шарц, выслушав сбивчивое повествование Кэт.

– Мне тоже кажется, что нужно, – вздохнул Эрик. – Вот только я не могу этого сделать.

– Почему? – спросил наставник.

– Умирать начинаю, – ответил Эрик.

– Когда рассказываешь или когда вспоминаешь? – настоятельно поинтересовался Шарц.

– Иногда даже вспомнить бывает достаточно. А так, как в этот раз... я ведь и не вспоминал вовсе... не знаю почему...

– То есть приступ случился сам по себе, – нахмурился Шарц.

– Вроде как да... – растерянно ответил Эрик. – Если я только ничего не... но я бы помнил, если бы что-то... я и правда не знаю... – Он окончательно смешался и замолк.

– Ладно, оставим эту тему, – важно кивнул Шарц. – А сегодня я хочу продолжить свои лекции по мастерству лекаря. Хочу обратить твое внимание: эта лекция будет несколь-

ко необычной. Я бы попросил тебя проявить крайнее прилежание и внимательно следить за *каждым* моим словом. За каждым, Эрик. Это очень важно. Итак, приступим Встречаются заболевания, при которых наилучшим лекарственным средством оказывается состояние *покоя*, настоятельно необходимое для многих врачебных манипуляций. Обычно для достижения такого состояния больному предлагают *расслабиться* и думать о чем-нибудь *приятном*. Иногда ему даже предлагают *задремать* и представить себе какой-нибудь *чудесный сказочный замок* или *волшебную страну фей*. Больного просят сосредоточиться на своих *руках*. Представить себе, что *руки* – это все, что у него есть. Такие большие... теплые... тяжелые... медленные... они поднимаются и опускаются... поднимаются и опускаются... нет ничего, кроме вечного подымания и опускания... вечного покачивания...

Шарц внимательно следил за своим невольным пациентом, голосом подстраиваясь под ритм его дыхания. Так. А теперь осторожно взять его за руку, нащупать пульс и продолжать. Продолжать, постепенно замедляясь. Замедляясь и переходя ко второму этапу. Чтобы все получилось как должно, нужно насытить агрессивное, вечно жаждущее пищи внимание лазутчика. Итак...

– Впрочем, бывают и другие случаи, – продолжал Шарц. – Иногда больного, напротив, просят *сосредоточиться*... быть таким *бдительным*, как это только возможно... и внимательно *следить*... *следить* за вот этим качающимся и блестящим

шариком... качающимся и блестящим... только очень внимательно... не отрывая взгляда и продолжая слышать мой голос... не отрывая взгляда и сохраняя способность отвечать... не отрывая взгляда и вспоминая все, что когда-то заставили забыть... не отрывая взгляда и отказываясь умирать... не отрывая взгляда и не подчиняясь чужой воле, заставляющей умереть... не отрывая взгляда и не подчиняясь чужой воле, приказавшей молчать...

Шарц опустил блестящий хрустальный шарик и выдохнул.

«Профессор Брессак, что бы я без вас делал? Не будь вас, я бы до сих пор считал, что все без исключения пациенты поддаются гипнотической магнетизации совершения одинаково. А те, которые не поддаются, просто лишены этого столь полезного для исцеления свойства».

Эрик сидел, положив руки на колени, и смотрел на него.

– Рассказывай, – сказал Шарц.

И Эрик начал рассказывать. Он ничего не боялся. В том странном месте, где находились они с наставником, умереть было нельзя. А значит, можно было рассказать – рассказать все. Эрик чувствовал свою смерть, она никуда не делась, он ощущал ее как повязку на лбу, но здесь это не имело никакого значения. У нее не было ни малейшего шанса соскользнуть вниз, растечься по телу невесомой смертью, впитаться незримым ядом... И он мог говорить с наставником обо всем...

– Губы, – говорил Эрик. – Я вспомнил, это было в день

посвящения... да... это было там... в Храме...

Шарц затаил дыхание. Как же давно ему хотелось услышать всю эту историю. Но если ученик *не может* ее рассказать... и ведь действительно не мог.

– Я все-все могу рассказать, – медленно говорил Эрик. – Все-все... ведь я не умру здесь... я не могу умереть здесь, потому что умру там... Я умру только потом, правда? После того как расскажу... А тогда это будет уже не важно. Задание будет выполнено.

– Не надо мне все-все рассказывать, – вмешался Шарц, и Эрик остановился.

– Не надо? – с обидой спросил он. – Но как же так?

– Потом расскажешь, – сказал Шарц.

– А! Потом, – довольно кивнул Эрик, сразу успокоившись.

– Расскажи, как тебя... заколдовали и что нужно сделать, чтоб расколдовать, – сказал Шарц.

– А... это просто... – ответил Эрик. – Он шевелит губами, а слов нет... слов нет, потому что он говорит не слова... он говорит мою смерть... с каждым движением губ она сплетается в незримую ткань... эта ткань прохладно ложится на лоб, охватывает голову, словно повязка. Такая есть у любого послушника, у любого посвященного. Даже у старших жрецов есть, чтоб никто не мог разгласить тайны Храма. Если попытаться это сделать, повязка соскальзывает вниз и тает, становясь смертью, впитываясь в тело...

– Она и сейчас у тебя на лбу? – спросил Шарц.

– Конечно, – ответил Эрик. – Я же говорю, она есть у любого...

– А снять ты ее не можешь?

– Рука не подымается, – вздохнул Эрик.

«Так. С этим все ясно, – подумал Шарц. – Снимать повязку, будь она проклята вместе с тем, кто ее придумал, придется мне. Эрик не может... и не сможет. А я не вижу. Для меня ведь ее не существует. Хорошенькое дело. Снимать на ощупь? Снимать, интересуясь у Эрика, снялась или нет? Скорее всего ничего не выйдет. А если этот неведомый фаласский мерзавец предусмотрел и такой вариант? Если она убьет его, пока я буду ее снимать? Нет уж! Снимать ее придется не здесь и не сейчас! Снимать ее нужно там и тогда. А если еще точнее – просто не дать ее надеть».

Чтобы погрузиться в кратковременное гипнотическое состояние, Шарцу блестящий шарик не требовался. Гномы издавна использовали разные степени транса в качестве обезболивающего.

«Я должен вернуться через пять минут. Чтобы не дать надеть повязку, этого достаточно!»

* * *

В огромном зале стоял полумрак. Тени зловещих богов бродили по темным углам. Ледяным сквозняком по полу стелились странные шепоты.

Безгласное бормотание Шарц почуял почти сразу. И тотчас его горло начала охватывать некая незримая субстанция.

«Ах вот ты как? Ну погоди же!» – яростно подумал он.

Бежать трудно. Полированные плиты каменного пола скользят под ногами. И удавка на горле все явственнее. Не повязка на лбу – удавка на горле!

«Ну да, я же не послушник! Я – враг!»

Глаза заволакивает туман, поверх тумана медленно скользят чьи-то шевелящиеся губы. Все еще бесплотные, они с каждым следующим мгновением наливаются жизнью, становятся реальнее, плотнее.

«С врагами здесь не церемонятся, а я – враг».

«Вот именно. Враг. Опасный. Яростный. Неостановимый. А уж что я делаю с засранцами вроде тебя...» – думать на бегу трудно, думать с удавкой на горле – страшновато. Она ведь не просто так, для красоты, висит. Она затягивается потихоньку. Ну да ничего. Мне бы только до него добраться... он у меня узнает!

«Тебе еще ни разу не доводилось иметь дело с гномами, мразь? Могу порадовать, тебя ждет масса самых разнообразных... ощущений... мы, гномы, любим убивать таких засранцев, как ты! Убивать, жарить и есть...»

Безгласное бормотание сбилось на миг и зачастило с удвоенной силой. Удавка ослабла. Бежать сразу стало легче. «Струсил, сволочь?!» – обрадовался Шарц и припустил еще быстрее.

Худенький подросток стоял на коленях перед оплывшим от жира жрецом в черной шелковой рясе.

– Эрик! – крикнул Шарц, и мальчишка поднял глаза.

Жрец вздрогнул, дернулся и развернулся навстречу Шарцу. Как раз вовремя! Шарц ударил сразу рукой и ногой. В промежность и в горло. Жрец захрипел, согнулся, Шарц ухватил его за подбородок, рванул голову вверх и широкой, привычной к молоту рукой запечатал все еще шевелящиеся губы.

– Эрик! – выдохнул он, отшвыривая от себя жреца.

– Да, наставник... – ответил мальчишка.

– Бежим отсюда! – рявкнул Шарц.

– Но я же еще не выполнил... задания... – почти прошептал мальчишка.

– Прежнее задание отменяется! – рявкнул Шарц.

– А... какое новое? – дрогнул мальчишеский голос.

– Жить и получать от этого удовольствие! – рявкнул Шарц и рванул ученика за руку, подымая его с колен. – Этот гад ничего не успел на тебя навесить?

– Кажется, нет.

– Тогда бежим! – И Шарц потащил за собой ученика, выходя из транса.

Где-то за их спинами корчился, харкая кровью, фаласский монах-магнетизер. Где-то там, в далеком фаласском храме, сколько-то лет назад...

«Вот и все», – подумал Шарц.

Пришедший в себя, очнувшийся от транса Эрик удивленно шупал лоб.

– Ее нет! – наконец счастливым голосом поведал он окружающему мирозданию. – Ее совсем нет!

Он помолчал. Посмотрел на наставника удивленно.

– Я все помню, – сказал он.

– Я не отдавал приказаний забыть, – ответил Шарц.

– Ты не стал меня ни о чем расспрашивать, – сказал Эрик.

– Вдруг ты по-прежнему не хочешь этого рассказывать, – ответил Шарц.

– Но... любой другой на твоем месте... – начал Эрик.

– Ну что ты, – усмехнулся Шарц. – Совсем не любой. Хороших людей на свете куда больше, чем плохих. Никто из них не стал бы без спросу совать свой нос в твою жизнь. Мне, конечно, интересно, как все вышло с этой окаянной книгой, но не до такой степени, чтобы заставлять тебя делиться теми воспоминаниями, которыми ты делиться не хочешь.

– О, учитель! – ехидно возгласил счастливый Эрик. – Твое невероятное, невозможное, немислимое благородство вгоняет меня в краску и заставляет благоговеть изо всех сил!

– А по уху? – поинтересовался означенный учитель.

– Да хоть по двум! – откликнулся Эрик. – Ну разумеется, я все тебе расскажу! Почему бы и не рассказать? Теперь-то меня ничто не держит.

Эрик блаженно вздохнул, наслаждаясь новой, неведомой для себя свободой. Его и правда ничего не держало. Со-

всем-совсем ничего. И если он откроет наставнику парочку страшных тайн... Их обладатели могут грызть свои локти хоть до посинения, ему они не страшны. Ничего они ему не сделают.

И Шарц наконец услышал историю странной книги, которая заставила его оторваться от дел, кои он почитал действительно важными, и вспомнить свои прежние навыки, кои он к тому моменту полагал абсолютно ненужными. Кроме того, благодаря содержащейся в книге информации было совершено несколько открытий в области алхимии и фармакологии, а секретные службы почти всех стран обзавелись мощным тайным оружием и противоядиями от оного.

«В конечном итоге равновесие мира не сместилось, оно просто поменяло свои свойства», – сказал по этому поводу граф Эмиль де Буа-Конте, известный марлецийский политик, дипломат и вообще большой интеллект.

Конечно, Шарцу было интересно, как и из-за чего все произошло. Из-за чего он сам оказался вовлеченным в «игры разведок» и стал куда более заметной фигурой, чем ему хотелось бы.

– Меня с самого начала готовили для этого дела, – рассказывал Эрик. – Я вызубрил кучу языков, тот же фаласский знал просто в совершенстве, эльфийский до восьмого слоя значений, со всеми диалектными формами и обратными рифмовками, и прочее в том же духе. То, что моя мать родом из Фалассы, также играло роль, поскольку я внешне

удался в нее и был не слишком отличен от коренных фалассцев. На это и был расчет.

Поскольку проникнуть в Храм Смерти каким-либо другим способом еще никому не удалось, в конце концов было решено использовать для этой цели прямое внедрение агента. Оно требовало значительного времени на подготовку, зато почти наверняка приводило к успеху. Один из наших тамошних агентов, коренной фалассец, представил меня как дальнего родственника, у которого якобы умерли родители, а самому возиться с мальчишкой ему неохота. Он и отдал меня в Храм в качестве послушника. Я хорошо рисую, знаю много языков, красиво пишу – жрецы решили, что я окажусь ценным приобретением для Храма.

Так оно, по-видимому, и было. Я старался всю и быстро пошел вверх по иерархической лестнице. В Храме Смерти особо не развлечешься, но я отказывался даже от тех малостей, которые могли себе позволить послушники. Вместо этого я усердно занимался переписыванием храмовых рукописей и перерисовыванием иллюстраций к ним. Не чурался и черной работы. Пока прочие послушники лакомились тайком пронесенными сладостями и втихомолку пересказывали друг другу свежие базарные сплетни, я драил грязные котлы, мыл полы, протирал статуи богов и полировал стелы с изречениями великих жрецов прошлого. Однажды я попался на глаза Главному переписчику Храма. Как раз перед тем он просматривал переписанную мной рукопись и остался весь-

ма доволен. Застав меня за мытьем полов, он исполнился возмущения и вызвал жреца, надзирающего за мной.

С тех пор я полов не мыл. С тех пор я занимался исключительно переписыванием книг и копированием иллюстраций к ним. Я истово проникался верой и усердно молился богам. Я понимал, что это грех, но так нужно было для выполнения задания. Был момент, когда грань, отделяющая меня от полного перехода в их веру, стала настолько призрачна, что я всерьез испугался. Забыть истинную веру значило потерять себя. Я стал лишать себя сна. Внешне соблюдая их обряды, по ночам я молился Господу о даровании мне прощения. В итоге мое искреннее рвение было замечено. Никто ведь не знал, что оно не имело никакого отношения к Храму.

Наставник сделал мне строгое внушение. Сказал, что я слишком еще молод для такого самоотречения, приказал снизить требовательность к себе и отправил на тайную вечеринку послушников – это послушники считали, что она тайная! – где я вместе с остальными обжирался сладостями. С этого момента мне стали доверять, и я получил доступ в святая святых – закрытые архивы храмовой библиотеки. Так я добрался наконец до того, ради чего, собственно, все и затевалось. До того, чем так славится Храм Смерти.

Яды. Фаласские яды. Кстати, это для нас они фаласские. В самой же Фалассе они именуются храмовыми, и рядовой фалассец знает о них не больше, чем рядовой олбариец. Яды считаются чем-то вроде кары Богов. Субстанцией их ярости

и гнева. Я сотни раз переписывал все эти смертоносные тайны. У Храма много отделений в других городах Фалассы, копии нужны всем. Я переписывал и переписывал, пока они не начали сниться мне во сне. Я помнил их наизусть, я лишь не знал, как передать свои знания наружу. Я собирался бежать из Храма, однако опасался, что, если меня все же поймают и убьют, мои бесценные знания погибнут вместе со мной. Повторить такое внедрение будет не так просто, а самое главное – впустую будет потрачено время. Ведь нового агента потребуется готовить еще очень долго, и ему будет куда тяжелее, чем мне, потому что жрецы станут учитывать возможность проникновения в Храм под видом послушника и будут настороже. Одним словом, я хорошо понимал, насколько ужасные последствия будет иметь мой провал и как мало шансов у следующего агента... – Эрик замолк и вздохнул.

– Шансов действительно мало, – кивнул Шарц. – Такая закрытая организация, как этот Храм... да и мальчишек с твоей внешностью в Ледгунде, думаю, немного.

– Если вообще есть, – кивнул Эрик. – Ледгундский моряк, привезший себе женщину из дальних стран, а потом еще и женившийся на ней, был большой оригинал. Так что... у меня не было права на ошибку. Это было бы больше, чем моя смерть. Это был бы провал, а нас всегда учили, что провал хуже смерти. Так вот, тут-то и подвернулась эта самая книга. Фаласскому султану для чего-то нужно было сделать подарок марлецийскому монарху. Кто и почему решил, что это

должна быть книга, причем книга фаласских сказок с иллюстрациями, да еще и в переводе на марлецийский, я не знаю. Но раз решение было принято, стали искать, где лучшие переписчики, да еще и такие, чтоб на марлецийский перевести могли.

Знающие люди подсказали султану, что таковых нужно искать в Храме Смерти. Там и переводчики хороши, и переписчики отличные. Что ж, он так и поступил. А лучшим переводчиком и переписчиком был я. Конечно, Храм Смерти не та организация, на которую можно давить, но и султан не та фигура, которой стоит почем зря отказывать. Как уж они там договорились, не знаю, но меня призвал Главный храмовый жрец и отдал повеление, наделив соответствующими полномочиями. Отныне я не подчинялся никому, кроме него и Карающих, и ни перед кем не держал ответа, кроме него и Совета высших посвященных. Я понял, что это – шанс. Наилучший из возможных. Я тогда и представить не мог, что смерть сидит у меня на голове и ждет малейшего повода...

Я отыскивал красивейшие фаласские сказки, я даже представить себе не мог, что в Храме Смерти такое большое собрание этих самых сказок, но, как оказалось, высшим посвященным позволительно куда большее, нежели рядовым жрецам. Теперь и я был допущен до этих тайн. Оставаясь по-прежнему послушником, я возвысился почти надо всеми жрецами. Думаю, если бы я остался, если бы все не вскрылось, я бы сейчас уже был жрецом, а может, даже вхо-

дил в Совет посвященных. Я переписывал эти самые сказки как только мог красиво, а потом потрясающими фаласскими красками рисовал иллюстрации. Некоторые и в самом деле вышли почти как живые... а когда я засел за марлецийский перевод... я хорошо владею эльфийскими ключами и кодировками... я не просто переводил, я прятал в этом самом переводе все те тайны, которые мне удалось добыть. Это было нелегким делом. Некоторые сказки пришлось расширить, дописать, кое-где поменять ход сюжета...

– И никто ничего не заподозрил? – спросил Шарц.

– Никто из моих наставников не знал марлецийский настолько хорошо, чтобы поймать меня за руку, – ответил Эрик. – Закончив книгу, я отпросился в гости к тому человеку, который привел меня в Храм. Я передал ему все, что знал о книге и о пути, по которому ее повезут. Книга отправилась к фаласскому султану, от него – к марлецийскому королю, а я почувствовал, что заболел. Легкое недомогание я начал испытывать уже во время перевода. Когда я закончил книгу, приступы усилились. Мое тело жгло как в огне. Я решил обратиться к храмовому лекарю. Когда я рассказал ему о своих приступах, он пришел в ужас. Он вытаращился на меня, силясь закричать, но от волнения у него пропал голос. «Изменник... предатель... кому ты рассказал наши тайны?!» – в ужасе хрипел он. Его пришлось убить. Я понял, что моя болезнь как-то связана со спрятанными в книге тайнами, и решил бежать немедленно. Мне пришлось убить еще дво-

их, прежде чем я выбрался из Храма. Эти двое были моими наставниками и не сделали мне ничего плохого. Я до сих пор жалею об их смерти.

Я бежал, спрятался в пригороде столицы, скрылся среди тамошнего отребья, бандитов, воров, подонков... я был белой вороной среди них, мне пришлось убить довольно многих, пока от меня не отвязались. Я постоянно испытывал мучительную боль... все сильней и сильней... были моменты, когда мне казалось, что уже все, сердце не выдержит... И тогда на мой след напала храмовая стража. Я все ждал, когда на меня выйдут свои, и утратил осторожность. Впрочем, в том состоянии, в котором я находился, мне было не до осторожности. Они захватили меня практически врасплох. Мне чудом удалось бежать, убив еще одного человека... его смерть – это все, что я тогда запомнил, кинжал в моей руке... кровь... много крови... я неаккуратно его убил, еще успел подумать, что наставник будет недоволен, а потом все... ничего не помню, не знаю, как мне удалось убить его и как потом удалось сбежать, вообще не знаю, как я тогда выжил... просто не помню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.